1166

1166

МОСКОВСКІЙ

ТЕЛЕГРАФЪ.

1834. № 2. ЯНВАРЬ.

I. О сочиненіяхъ Гёте, изданныхъ послѣ его смерти (*Окончаніе*)..... 196.

II. Отрывокъ изъ несочиненнаго еще сочиненія, Г-на Марлинскаго..... 222.

III. Эмма. Повѣсть (*Продолженіе*)..... 241.

IV. Повѣрка Замѣчаній О. Іакинѳа на IV-й томъ Исторіи Русскаго народа (*Окончаніе*)..... 287.

V. Русская Литтература (Новыя книги: *Руководство къ познанію Исторіи Литтературы*, составленное В. Плаксинымъ — *Повѣсти и Разсказы Петра Сумарокова.* 3 ч. — *3448-й годъ. Рукопись Мартына Задека.* Сочиненіе Г-на Вельтмана. 3 ч.—*Синтаксисъ Греческаго языка*, по руководству Векгерлинга, изданный С. И.)..... 319.

VI. Смѣсь (*Изъясненіе картинки* — *Истори-*

Въ *Конторѣ Московскаго Телеграфа*, состоящей *на Тверской въ домѣ Г-жи Мятлевой*, принимается подписка на слѣдующую книгу:

ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.

Сіе изданіе Запорожской Старины будетъ состоять изъ *четырехъ* частей:

Часть первая: — N° I. *Пѣсни* и *Думы* историческія о лицахъ и событіяхъ до Богдана-Хмельницкаго. — N° II и N° III. *Сказанія* Лѣтописцевъ и *Преданія* — о томъ-же.

Часть вторая: — N° I, *Пѣсни* и *Думы* историческія о лицахъ и событіяхъ отъ Богдана Хмельницкаго до переселенія Запорожцевъ въ Черноморье. — N° II и N° III. *Сказанія* Лѣтописцевъ и *Преданія* о томъ-же.

Часть третья: — N° I. *Пѣсни* и *Думы* не-историческія. — N° II и N° III. *Примѣчанія* къ онымъ.

Часть четвертая: — N° I. — XX. *Дополненія* къ первымъ тремъ частямъ Запорожской Старины. Ко всякому N° Дополненій будутъ прилагаться Повѣсти, Разсказы и Стихотворенія на языкѣ Украинскомъ, сочиненія лучшихъ Украинскихъ писателей.

Въ 1834 году выйдетъ не болѣе, какъ *двѣ первыя части* и N° *пять* или *шесть* Дополненій.

ЦѢНА

подписная — за *всѣ четыре* части — *тридцать* рубл. Госуд. асс.; за *каждую* изъ *трехъ первыхъ* ча-

БИБЛІОТЕКИ

МИХАИЛА ИВАНОВИЧА СЕМЕВСКАГО.

Пріобрѣт: въ Спб. 18 Авг. 1858 г.

Подарена: Н В Хомяковы

Заплачен:

Отдѣл: V № 1166.

Библіотека основана 11-го Іюня 1855 г.

К № 2 Моск. Телеф. 1834.

Пио. Горенъ.

Гр. Лоанасовъ.

№ II. ЯНВАРЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О СОЧИНЕНІЯХЪ ГЁТЕ,

ИЗДАННЫХЪ ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

(Окончаніе.)

Изложивъ кратко, поверхностно, однакожь вѣрно, главное содержаніе, или означивъ, такъ сказать, главныя черты второй части *Фауста*, мы должны были-бы сдѣлать общее заключеніе объ основной мысли всего творенія, и показать красоты поэтическаго развитія оной. Но здѣсь встрѣчаемъ затрудненіе, едва-ли преодолимое для современной критики. Очень можно отвѣчать въ немногихъ словахъ на вопросы холоднаго ума; но поэтическое созданіе не будетъ понятно отъ вашихъ односложныхъ отвѣтовъ. Оно какъ будто страшится ихъ, и хочетъ, чтобы видѣли его въ органическомъ развитіи,

а не подъ скальпелемъ анатома-критика. Это свойство всѣхъ великихъ созданій поэзіи, и, признаёмся, намъ всегда казались странны рѣшенія критики, диктаторскимъ, если не канцелярскимъ образомъ изрекающей: «Поэтъ думалъ выразить то, или то!» Очень хорошо; но покажите еще намъ, какъ выразилъ онъ это. И вотъ здѣсь-то оказывается, что рѣшенія бываютъ на половину произвольны или предположительны, особенно когда идетъ рѣчь о такихъ твореніяхъ, каковъ *Фаустъ* Гёте. Главную мысль второй части *Фауста* видимъ мы; но еще надобно дать себѣ отчетъ во всѣхъ подробностяхъ ея. А кто возьмется за это? Въ ней есть тысяча намековъ и отношеній, которыя могъ-бы изъяснить только самъ поэтъ, или человѣкъ, знавшій всѣ его помышленія. Но Гёте не оставилъ намъ, при этомъ созданіи, *изъясненія вдохновеній своихъ*, какъ остроумно выразился одинъ Французскій писатель, говоря о своихъ соотечественникахъ, которые даютъ отчетъ въ каждомъ вдохновеніи, почти въ каждой мысли, и посвящаютъ для этого длинныя предисловія. Въ самомъ дѣлѣ: загляните, напримѣръ, въ сочиненія Гюго, великаго, геніяльнаго писателя современной Франціи. Онъ прежде всего представляетъ вамъ отчетъ въ каждомъ своемъ твореніи, въ каждой мысли своей, и старается предупредить каждое ваше сомнѣніе.

Это имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды. Но, какъ-бы по ни было, а при сочиненіяхъ Гёте нѣтъ ни одной пояснительной строчки: ловите, угадывайте помышленія поэта сами. Въ примѣръ, сколь трудно это, приведемъ ошибку одного критика, котораго уважалъ самъ Гёте, и котораго сужденіе о своемъ Театрѣ онъ перевелъ почти вполнѣ и помѣстилъ среди своихъ сочиненій (Ч. VI, стр. 102-122). Это Г. Амперъ, бывшій сотрудникомъ превосходнаго Журнала *Глобусъ*. Нынѣ онъ издалъ отдѣльною книгою разныя свои статьи, бывшія разсѣянными по многимъ Журналамъ, гдѣ находимъ между прочимъ сужденіе о *Еленѣ*, о которомъ мы уже упоминали. Г. Амперъ судилъ съ необыкновеннымъ проницаніемъ, умно, превосходно, и ошибся въ главномъ, признавъ *Елену* фантасмагоріею, отдѣльною картиною, не входящею въ составъ *Фауста*. Гёте опровергъ это мнѣніе полнымъ изданіемъ второй части *Фауста*, гдѣ *Елена* составляетъ третье дѣйствіе, имѣющее неразрывную связь съ прочими. Можно было-бы подумать, что она отдѣльна по своему содержанію, ибо дѣйствительно представляетъ отдѣльную картину, фантасмагорію, сонъ, если угодно. Такъ; но что-же и вся драма: Фаустъ, какъ не фантасмагорія поэтическая? Неужели искать въ ней грубой легенды о Чернокнижникѣ, или исторической картины вѣковыхъ событій? Это

видѣніе, гдѣ поэтъ высказываетъ намъ множество идей, глубокихъ, озаренныхъ свѣтомъ его ума и души, но самымъ сіяніемъ своимъ препятствующихъ ясно видѣть полное ихъ значеніе. Чего хотите вы отъ солнца? Разсматривать его? Берите-же закопченное стеклышко, и предоставьте міру пользоваться свѣтомъ и теплотою солнца! Чего хотите вы отъ глазъ красоты, пылающихъ всѣмъ одушевленіемъ жизни? Прочитать *идею* ихъ?... Смѣшны и жалки подобныя усилія! Смѣшны были-бы они и при великомъ созданіи генія. Если мы станемъ математически размѣривать *Фауста*, особенно во второй части, то найдемъ несоразмѣрности. Многое можно разсматривать въ немъ отдѣльно, слѣдовательно многое можно совсѣмъ отдѣлить, и по видимому связь драмы не потеряетъ ничего. Второе и третье дѣйствія кажутся совершенно вводными, фантасмагорическими. Четвертое дѣйствіе слабо связано съ первымъ, и въ немъ нѣтъ даже упоминанія о двухъ предшествовавшихъ. Только въ первыхъ стихахъ его видимъ отдаленный намекъ о прежнемъ. Пятое дѣйствіе, представляющее старца Фауста, смерть его, и событія послѣ его смерти, образуетъ также отдѣльное цѣлое, не имѣющее видимаго сцѣпленія съ прежнимъ Фаустомъ. Но все это, все по видимому отдѣльное, проникнуто одною мыслью: мыслью о борьбѣ человѣка съ

жизнью, и человѣчества съ вѣками. Разногласія нашей божественной природы, усѣявшія событіями всю Исторію, развѣ не имѣютъ единой, непрерывной связи? Борьба вещественнаго съ божественнымъ развѣ не составляетъ основанія всей нашей природы и всей Исторіи? Но если такова *единая* мысль, проницающая всю драму: *Фаустъ*, то она сама по себѣ еще не образуетъ созданія поэтическаго, и въ ея развитіи заключается вся великость и слава поэта. Это тема, которую— повторимъ еще разъ— разыгрываютъ вѣка, разыгрываютъ также и тысячи поэтовъ. Но Гёте облекъ ее звуками новыми, разнообразными, выразилъ столь оригинально, величественно, фантастически, что его твореніе останется единственнымъ, неподражаемымъ, какъ памятникъ души, совмѣщавшей въ себѣ цѣлый міръ. Подробности его творенія еще темны для насъ. Не льзя еще видѣть *необходимой* связи многихъ частей съ цѣлымъ. Такъ, напримѣръ, самое лицо Человѣчка не понятно во многихъ мѣстахъ. Что̀ значитъ странствованіе его на шабашъ классическій, желаніе *отѣлъситься*, привязанность къ Ѳалесу и разлитіе въ огнѣ у ногъ Галатеи? Можно изъяснять это множествомъ различныхъ идей; но мы отказываемся отъ такого образа изъясненія. Послѣднее желаніе Фауста: противопоставить дюны

морскимъ набѣгамъ, требуетъ отчета, который трудно дать себѣ.

Но подобныя-то изысканія называемъ мы холодною отчетливостью ума, не воспламеняемаго красотами цѣлаго созданія, не чувствующаго красотъ подробностей. Подождите: найдутся люди, которые выстроятъ цѣлыя системы на драмѣ Гёте, и разгадаютъ вамъ бобами своей учености значеніе каждаго темнаго мѣста этой драмы. Для Гёте явятся свои Малоны и Стивенсы, которые у него такъ-же станутъ считать слова, какъ считали ихъ они у Шекспира. Но все-ли изъяснено у Шекспира? Далеко нѣтъ! И неужели-же цѣлый міръ долженъ ожидать этого блаженнаго полнаго изъясненія, и удерживать свой восторгъ, при чтеніи, при слушаніи, при театральномъ представленіи Шекспировыхъ драмъ? Это не въ природѣ человѣческой. Вотъ почему, предоставляя другимъ критическія изысканія касательно всѣхъ подробностей *Фауста*, мы скажемъ, что вторая часть этого удивительнаго созданія вполнѣ достойна первой части. Она не имѣетъ съ нею видимой связи, единства; но единство ея таково-же какъ единство Среднихъ Вѣковъ съ новѣйшимъ временемъ. Это исторія *Человѣка*, исторія *Человѣчества*, и различныхъ фазовъ его образованія, вѣрованій и стремленій; но это исторія, напи-

санная поэтомъ, у котораго часто одинъ намекъ служитъ символомъ цѣлаго ряда событій. Это мистерія, то есть таинственное представленіе событій, но мистерія нашего времени, которую могутъ понимать только люди, знакомые со всѣми идеями современнаго просвѣщенія. Истинное поэтическое созданіе отличается еще и тѣмъ свойствомъ, что красоты его равно чувствуетъ философъ-критикъ, и доступный живымъ впечатлѣніямъ простолюдинъ. На этомъ основанъ успѣхъ Шекспира среди простонародья Англіи, успѣхъ Тасса въ Италіи, Гёте въ Германіи. Каждый видитъ въ немъ свои поэтическія стороны: живость образовъ, силу картинъ, музыку стиховъ. Эти достоинства господствуютъ въ *Фаустѣ* независимо отъ достоинства внутренней мысли. Возьмите каждое мѣсто драмы его отдѣльно — и вы будете восхищаться поэтическими красотами его.

Въ заключеніе, выпишемъ нѣсколько мыслей самого Гёте о своемъ *Фаустѣ*, высказанныхъ имъ по прочтеніи Французскаго перевода сего произведенія (Ч. XLVI, стр. 169-я):

«Видя передъ собой Французскій переводъ моего *Фауста*, въ великолѣпномъ изданіи, вспоминаю о томъ времени, когда трудъ сей былъ замышленъ, сочиненъ, и написанъ, съ ощущеніями совершенно особенными. Успѣхъ, который пріі-

обрѣлъ онъ всюду, и который доказывается теперь даже типографическимъ совершенствомъ, зависитъ конечно отъ рѣдкаго свойства его: навсегда заключитъ въ себѣ періодъ развитія человѣческаго духа, мучимаго всѣмъ, что обременяетъ человѣчество, поражаемаго всѣмъ, что превожитъ его, понимающаго все, что отвращаетъ его, и также одушевляемаго всѣмъ, чего желаетъ оно. Поэтъ уже весьма удаленъ отъ подобнаго состоянія; да и міръ, нѣкоторымъ образомъ, долженъ выдерживать совсѣмъ иную борьбу; однакожъ, состояніе человѣка оспается большею частію одинаково и въ радости и въ страданіи. Новое поколѣніе всегда найдетъ причины разсматривать то, что прежде него составляло усладу и горесть, дабы, такъ сказать, изостриться въ томъ, что ожидаетъ его.

«Сочиненіе сіе, по природѣ своей начато въ мрачной стихіи; дѣйствіе его происходитъ хотя на разнообразномъ, однакожъ превожномъ позорищѣ; но на Французскомъ, все просвѣтляющемъ языкѣ, удобномъ для ума и размышленія, оно становится уже гораздо яснѣе и понятнѣе. Теперь, когда я смотрю на форматъ in-folio, на бумагу, на буквы, печать, переплетъ, на все, безъ исключенія, доведенное до совершенства, во мнѣ почти исчезаетъ прежнее впечатлѣніе, волновавшее меня и тогда,

какъ я взглядывалъ на свой прудъ черезъ долгое время, желая повѣрить для себя его сущность и свойства.»

Такъ думалъ Гёте въ послѣднее время о первой части своего *Фауста*. Любопытно было-бы прочесть его мнѣніе и о второй части — но теперь желаніе сіе тщетно.

Не хотимъ употреблять всегдашняго манёвра писателей, которые заговорившись о какомъ нибудь предметѣ, увѣряютъ, что они увлеклись имъ, и что для другаго у нихъ уже нѣтъ мѣста. Статья наша до сихъ поръ была посвящена только второй части *Фауста*, и не безъ намѣренія, потому что это сочиненіе почитаемъ мы важнѣйшимъ въ послѣднихъ десяти томахъ Гёте. О немъ, объ этомъ сочиненіи, мы должны были и хотѣли говорить подробнѣе нежели о другихъ, которыя не представляютъ равной важности, хотя всѣ достойны вниманія и даже изученія. Въ самомъ дѣлѣ, пріятно и поучительно видѣть мудреца Гёте во всемъ: и въ сужденіяхъ о Французской, Англійской, Итальянской, Нѣмецкой Литературѣ, и въ путешествіи 1797 года, и въ первыхъ очеркахъ Гёца фонъ Берлихингенъ, и въ замѣткахъ касательно Искусствъ, Наукъ, Знаній. Но мы ограничимся только исчисленіемъ всего этого, заключающагося въ новыхъ томахъ сочиненій

Гёте, изданныхъ послѣ его смерти. Иначе надобно было-бы написать не журнальную статью, а цѣлый томъ.

Часть сорокъ вторая полнаго собранія сочиненій Гёте, или вторая изданныхъ послѣ его смерти, заключаетъ въ себѣ два, чрезвычайно любопытныя сочиненія. Это: *Драматизированная Исторія Готтфрида фонъ Берлихингенъ, Желѣзной Руки*, и *Гёцъ фонъ Берлихингенъ, Желѣзная Рука, драма въ пяти дѣйствіяхъ, передѣланная для театра.* Первая, вѣроятно, есть то самое сочиненіе, о которомъ упоминаетъ Гёте въ своихъ Запискахъ, разсказывая, что сначала онъ извлекъ изъ собственнаго жизнеописанія Гёца драматическія сцены, и послѣ составилъ изъ нихъ свою *первую трагедію.* Любители Поэзіи Гёте давно желали имѣть въ рукахъ своихъ этотъ драматическій очеркъ. Теперь они могутъ удовлетворить свое любопытство—если только мы не ошибаемся, почитая *Готтфрида* тѣмъ самымъ сочиненіемъ, которое послужило основою извѣстной трагедіи. По милому обычаю Нѣмцевъ, тутъ нѣтъ ни одного примѣчанія или поясненія, а намъ не случилось читать сужденій Нѣмецкихъ Журналистовъ о изданныхъ нынѣ сочиненіяхъ Гёте. Какъ-бы то ни было, но *Готтфридъ* достоинъ вниманія и самъ по себѣ. Это драматическія сцены, гдѣ лица

почти тѣ-же, что и въ самомъ *Гёцѣ*; но языкъ ихъ еще ближе къ старинному Нѣмецкому. Въ содержаніи есть большія отмѣны.— *Гёцъ*, передѣланный для театра, любопытенъ только тѣмъ, что въ немъ можно видѣть, какъ великій знатокъ Драматическаго Искусства измѣнилъ свое произведеніе, соображаясь съ законами и потребностями сцены.

Часть третія (43-я) занята описаніемъ путешествія, которое предпринималъ Авторъ въ 1797-мъ году въ Швейцарію, и поѣздки къ Рейну, Майну и Неккару, въ 1814 и 1815 годахъ. Но всего любопытнѣе тутъ описаніе сокровищъ Искусства, находящихся въ окололежащихъ городахъ. Гёте былъ не только любитель, но и знатокъ древностей и произведеній Искусства во всѣхъ родахъ. Дружба его почти со всѣми замѣчательными людьми, имѣвшими собранія рѣдкостей, библіотеки и кабинеты, давала ему случай видѣть и разсматривать многое. Его замѣчанія показываютъ истиннаго цѣнителя Изящнаго. Не столь удовлетворительно кажется намъ описаніе прежняго его путешествія (въ 1797-мъ году). Оно состоитъ изъ замѣтокъ, въ коихъ всего чаще видѣнъ Нѣмецъ. На ряду съ описаніемъ мастерской Даннекера, находимъ тутъ цѣну коровьяго масла! Замѣчанія его о городахъ, о жите-

ляхъ разныхъ мѣстъ, также очень мѣлочны. Сужденія о современныхъ тогда событіяхъ политическихъ, достойны любаго Нѣмецкаго клуба. Они состоятъ изъ анекдотцевъ, изъ газетныхъ извѣстій и простонародной непріязни къ врагамъ. Въ ненависти должна быть своя возвышенность. Но таковы добрые Германцы! Въ мірѣ умственномъ, идеальномъ, возлетая къ небесамъ, они въ гражданской жизни вѣчно осѣкаются подлѣ чепчика и кофейника жены, съ трубкою во рту, съ грошевою газетою передъ глазами.

Часть четвертая (44-я) вся посвящена *Искуству*. Это собраніе статей о произведеніяхъ и предметахъ Искуства, гдѣ разсыпано множество замѣчаній и мыслей глубокихъ. Кажется, небольшіе отрывки эти собраны изъ разныхъ Журналовъ, гдѣ первоначально печаталъ ихъ Авторъ. Они могутъ служить пріятнымъ и наставительнымъ чтеніемъ, какъ для раскрытія многихъ частей Искуства, такъ и для узнанія образа мыслей Автора, который, если можно такъ выразиться, былъ самъ живымъ Искуствомъ.

Часть пятая (45-я) чрезвычайно любопытна. Въ ней собраны разныя статьи Автора о Театрѣ, или лучше сказать о Драматическомъ Искуствѣ, и Нѣмецкой Литтературѣ. Относящія-

ся къ Театру особенно важны. Статья о Веймарскомъ Театрѣ можетъ служить предметомъ изученія для всѣхъ Гг. Директоровъ и содержателей театровъ. Въ ней увидятъ они, какими средствами, при самыхъ небольшихъ пособіяхъ, знатоки Искуства умѣли привести въ цвѣтущее состояніе театръ Германскихъ Аѳинъ. Замѣчанія о Шекспирѣ исполнены мыслей свѣтлыхъ, достойныхъ великаго поэта; но еще занимательнѣе небольшая статья о первомъ изданіи *Гамлета*, гдѣ маститый старецъ съ юношескою пылкостью говоритъ о впечатлѣніи, которое сдѣлала на него отысканная недавно и напечатанная въ 1825-мъ году трагедія Шекспира въ первобытномъ ея видѣ. Статьи о Нѣмецкой Литтературѣ, по большей части, крашки. Это рецензіи разныхъ книгъ, которыя казались Гёте достойными вниманія по чему нибудь. Но тутъ-же есть статьи, писанныя и по разнымъ другимъ случаямъ. Гёте былъ критикъ благоразумный, уклончивый, и не геніяльный. Это не Августъ Шлегель. Впрочемъ, не льзя не отдать справедливости многимъ его замѣчаніямъ, необыкновеннымъ его свѣдѣніямъ по всѣмъ частямъ Литтературы, и какому-то спокойному, ясному образу сужденій. Онъ почти никогда не разсматривалъ книги подробно: онъ бралъ какую нибудь одну мысль изъ нея, или говорилъ свое мнѣніе объ

ея общности, передавая читателямъ свои впечатлѣнія въ видѣ отчета за себя, а не за Искуство или Науку, которымъ всякая книга приноситъ пользу или наноситъ ударъ, болѣе или менѣе чувствительный.

Часть шестая (46-я) есть драгоцѣнное собраніе статей о разныхъ Литтературахъ: Древней Греческой, Французской, Англійской, Итальянской, Восточной, и о Народной Поэзіи. Не льзя не удивляться наблюдательности, съ какою Гёте смотрѣлъ на всѣ событія въ Литтературахъ различныхъ народовъ. Ничто не ускользало отъ его орлинаго взгляда. Отрывки Греческихъ трагиковъ, Французская комедія и романъ, творенія Байрона, Восточная Поэзія, статьи журнальныя, все было важно и занимательно для него. Онъ съ особеннымъ уваженіемъ говоритъ о Критикахъ Журнала: *Глобусъ*, нѣкогда украшавшаго Французскую Литтературу; съ изумленіемъ, съ восторгомъ пишетъ о Байронѣ; съ безпристрастіемъ, безъ жеманства о самомъ себѣ. Даже эфемерное явленіе: *Книга ста одного сочинителя*, обратила на себя вниманіе его, и онъ посвятилъ нѣсколько страницъ первой части ея. Для читателей нашихъ, вѣроятно, будутъ любопытны сужденія и замѣчанія его о разныхъ Французскихъ книгахъ, потому что онѣ почти всѣ извѣстны

имъ. Выписываемъ перечнемъ его мнѣнія о замѣчательнѣйшихъ.

Цѣлую исторію разсказываетъ Гёте о своемъ переводѣ извѣстнаго Дидеротова сочиненія: *Племянникъ Рамо*. Гёте перевелъ его въ 1804-мъ году, съ рукописи, которая потерялась послѣ, и сочиненіе Дидерота было извѣстно только по переводу. Въ 1821-мъ году, Виконтъ де Соръ и Г-нъ Сенъ-Женьесъ перевели *Племянника Рамо* съ Гётева перевода, и объявили, что они нашли подлинникъ долго терявшагося сочиненія Дидеротова. Но въ это-же время нашелся дѣйствительный подлинникъ. Начался споръ между издателемъ его и Гг. де Соромъ и Сенъ-Женьесомъ. Обратились наконецъ къ Гёте, съ просьбою рѣшить этотъ спранный споръ; и онъ рѣшилъ его въ пользу издателя дѣйствительнаго подлинника.

Въ извѣстіи о романѣ Сальванди: *Донъ Алонзо*, Гёте изъявляетъ удивленіе къ дарованію сочинителя, и называетъ сочиненіе его замѣчательнымъ, богатымъ по содержанію, великимъ! . . .

Говоря о переводѣ своихъ Драматическихъ сочиненій, онъ радуется, что Французы сближаются съ чужеземными Литературами и черпаютъ мы-

сли и чувства изъ свѣжихъ источниковъ. Далѣе онъ переводитъ сужденіе Г-на Ампера о Театрѣ своемъ, и наконецъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ упоминаетъ о своемъ жизнеописаніи, сочиненномъ Г-мъ Стапферомъ, находя въ немъ разгаданнымъ многое, что казалось темнымъ самому предмету жизнеописанія. Вотъ собственныя его слова: «Желаю, чтобы друзья мои прочитали это жизнеописаніе. Иное извѣстно имъ не такъ, объ иномъ думаютъ они другимъ образомъ, но вѣрно вмѣстѣ со мною будутъ съ благодарностью удивляться, какъ умѣлъ біографъ столь хорошо присвоить себѣ открытое и разобрать скрытное? Замѣчательно также, какъ могъ онъ достигнуть нѣкоторыхъ воззрѣній на свой предметъ, воззрѣній, изумляющихъ и того, кто прежде всѣхъ долженъ былъ-бы имѣть ихъ, и кто однакожь не имѣлъ ихъ, именно потому, что они были къ нему слишкомъ близки.»—Въ замѣчаніяхъ на извѣстное сочиненіе: La Guzla, poésies illyriques, Paris, 1827, Гёте едва-ли не первый сказалъ, что это не переводъ оригинальныхъ Иллирійскихъ сочиненій, а подражанія Далматскимъ народнымъ пѣснямъ, и особенно стихотвореніямъ Маглановича, принадлежащія Автору Клары Газюль. Въ самомъ этомъ имени Гёте открылъ анаграмму: Gazul—Guzla.—Объявляя объ Исторической драмѣ А. Дюваля: *Тассъ*, Гёте

переводитъ рецензіи изъ Journal du Commerce и Le Globe, изъ которыхъ въ одной отдаютъ преимущество Дювалю, а въ другой Гёте, какъ автору драмы *Tasso*. Къ этому онъ, между прочимъ, прибавляетъ: «Не напоминать о себѣ и своихъ сочиненіяхъ хочу я, переводя рецензіи Французскихъ Журналовъ; нѣтъ, цѣль моя гораздо выше. Я хочу обратить вниманіе на то, какъ образуется *Всемірная* Литература, гдѣ предлежитъ намъ, Нѣмцамъ, почетная роль. Всѣ народы оглядываются на насъ, хвалятъ, порицаютъ, берутъ наше, отбрасываютъ его, подражаютъ ему, обезображиваютъ, понимаютъ насъ или не понимаютъ, открываютъ или закрываютъ передъ нами сердца: все это должны мы принимать равнодушно, потому что намъ дорога общность такого направленія.» Далѣе разсматриваетъ онъ, болѣе или менѣе, слѣдующія сочиненія или предметы Искусства, относящіеся къ Франціи: «Англійскій Театръ въ Парижѣ — Французскій въ Берлинѣ — Histoire de la vie et des ouvrages de Molière — Richelieu ou la journée des Dupes, comédie historique par le Mercier — Французскій Первый Театръ — *Фаустъ*, въ переводѣ — Elisabeth de France, tragédie par A. Soumet — Perkins Warbeck, drame historique par M. Fontan — Idées sur la philosophie de l'histoire

de l'humanité, par Herder—Отдѣльныя мысли—Le Livre des Cent-et-un — Аѳинянки, опера Жуи.

Въ Англійской новой Поэзіи занимался Гёте, болѣе всѣхъ, Байрономъ. Уваженіе его къ великому Англійскому Поэту было безпредѣльно. Онъ, для образца, перевелъ первыя пять строфъ *Донъ-Жуана*, и—отказался переводить его. Замѣчательны слѣдующія строки Гёте: «Донъ-Жуанъ произведеніе безгранично-геніяльное; непріязненное для человѣчества до самой свирѣпой жестокости, и дружественное до самой глубокой, нѣжной привязанности. Теперь, когда мы знаемъ, цѣнимъ этого Автора, и хотимъ, чтобы онъ былъ таковъ какъ есть, теперь съ признательностью наслаждаемся мы тѣмъ, на что отваживается онъ такъ свободно, такъ дерзко. Чудному, дикому, безпощадному содержанію Донъ-Жуана, вполнѣ соотвѣтствуетъ и техническая часть стиховъ; Поэтъ такъ-же мало щадитъ языкъ, какъ людей. Разсматривая его ближе, мы видимъ, что въ Англійской Поэзіи уже есть образованный комическій языкъ, котораго совершенно нѣтъ у насъ, Нѣмцевъ. Комическое Нѣмецкое преимущественно заключается въ чувствѣ, а не въ выраженіи. Удивляетесь богатству Лихтенбер-

га: у него въ повелѣніи цѣлый міръ знанія и отношеній, которыя смѣшиваетъ онъ какъ карты и плутовски выигрываетъ на нихъ. Даже стихи и рифмы Блумаэра, столь приличные комическому содержанію, забавны собственно рѣзкою противоположностью стараго съ новымъ, благороднаго съ пошлымъ, возвышеннаго съ низкимъ. При внимательномъ разсмотрѣніи, находимъ, что Нѣмецъ, желая быть смѣшнымъ, отступаетъ за нѣсколько столѣтій, и только въ забавныхъ рифмахъ удается ему быть простодушнымъ, простосердечнымъ.» Кромѣ *Донъ-Жуана*, Гёте говоритъ о *Манфредѣ*, *Каинѣ*, и о сношеніяхъ своихъ съ Байрономъ.

Вообще замѣчанія его объ иностранныхъ *Литературахъ* подчинены одной, главной мысли: мысли объ успѣхахъ Искусства, у какого-бы то ни было народа. Онъ никогда не забываетъ однакожь сказать объ отношеніи каждаго явленія къ Нѣмецкой Литературѣ. Намъ кажется, что этому примѣру должны слѣдовать всѣ наблюдатели Литературъ. Не бранить, не называть ихъ кровавыми, безумными, ядовитыми, а умѣть извлекать изъ каждаго замѣчательнаго ихъ явленія поучительную мысль: вотъ дѣло Критики. Такъ поступалъ Гёте, и отъ того сужденія его полезны, наставительны.

Итальянской Литтературѣ посвящены двѣ небольшія статьи: о Данте, и объ одномъ Итальянскомъ Журналѣ. Восточная Литтература также обратила на себя вниманіе Гёте только двумя сочиненіями. За то у него богато отдѣленіе *Народной Поэзіи*, гдѣ всего болѣе занимали его Сербскія и Новогреческія стихотворенія. О Русской Литтературѣ нѣтъ ничего, кромѣ небольшаго упоминанія при книгѣ Бауринга: Servian popular poetry. Переводимъ его для любопытныхъ:

«Г-нъ Бауингъ также подарилъ насъ, еще въ 1821-мъ году, Русскою Антологіею, изъ которой мы ближе узнали отдаленныя Восточныя дарованія, раздѣляемыя отъ насъ мало извѣстнымъ языкомъ. Тогда не только живѣйшее значеніе пріобрѣли для насъ знаменитыя имена, но еще мы познакомились ближе и съ однимъ давно роднымъ, по любви и дружбѣ къ намъ, человѣкомъ, Г-мъ Жуковскимъ. Онъ обязывалъ насъ доволѣ, дружескимъ и почетнымъ для насъ образомъ, своими сладостными стихотвореніями; изъ Антологіи Бауринга научились мы любить это поэтическое дарованіе въ большей его обширности, и удивляться ему.»

Часть седьмая (47-я) заключаетъ въ себѣ *Стихотворенія*, не вошедшія въ составъ преж-

нихъ частей. Изъ нихъ особенно любопытны стихотворенія юности Гёте, на которыхъ надписанъ 1769-й годъ.

Часть осьмая (48-я) есть продолженіе Записокъ Гёте, которыя писалъ онъ подъ заглавіемъ: *Вымыслъ и истина.* Полагаемъ, что читатели уже знакомы съ образомъ сочиненія этой любопытной книги, раскрывающей намъ не одну жизнь Гёте, но и умственную жизнь всей Германіи его времени. Надобно читать ее, а пересказать о ней нечего. Замѣтимъ, что нить повѣствованія у Гёте наблюдается не строго; особенно въ этой части онъ не рѣдко возвращается къ прошедшему и дополняетъ то, что сказывалъ прежде.

Часть девятая (49-я) занята мѣлкими отрывками, мыслями, замѣчаніями. Въ нихъ много любопытнаго, оригинальнаго, много выводовъ ума и опытности. Тутъ-же есть переводъ Гёте Рѣчи Фридриху Великому, сочиненной Іоанномъ Миллеромъ.

Въ *десятой части* (50-й) начинаются статьи, относящіяся къ Философіи и Естествознанію; вѣроятно, онѣ будутъ продолжаемы въ слѣдующихъ пяти частяхъ, которыхъ мы еще не получили, и которыми Издатели обѣщаютъ заключить полное собраніе *всѣхъ* сочиненій Гёте.

Въ десятой части напечатаны статьи мѣлкія, афоризмы, разныя замѣтки. Обширнѣе всѣхъ другихъ, и по нѣкоторымъ отношеніямъ любопытнѣе всѣхъ статья объ извѣстномъ спорѣ двухъ знаменитыхъ Французскихъ Естествоиспытателей: Жоффруа Сентъ-Илера и Кювье. Это едва-ли не *послѣднее* сочиненіе Гёте; по крайней мѣрѣ онъ занимался имъ передъ самою смертью своею. Французскіе ученые приняли сужденіе Гёте съ необычайнымъ уваженіемъ, перевели и напечатали въ Журналахъ, и даже отрывкомъ въ *Книгѣ Ста одного*. У насъ на Руси это событіе ученаго міра осталось неизвѣстно публикѣ, и потому намѣрены мы представить въ переводѣ статью Гёте, замѣчательную по многимъ отношеніямъ, касающуюся вопроса чрезвычайно важнаго, и возбудившую общее вниманіе. Не даемъ обѣщанія, ибо опытъ безпрестанно учитъ насъ, какъ трудно, особенно въ наше время, надѣяться выполнить все, къ чему кажется обязанымъ человѣкъ, имѣющій единымъ помышленіемъ добро, пользу и просвѣщеніе.

Пересмотрѣвъ статью нашу, видимъ всю неполноту ея, всю бѣдность вправленіи съ богатствомъ предмета. Но и можетъ-ли быть иначе? Кто осмѣлится сказать, что онъ въ

сосціяніи представить ясное понятіе о десяти томахъ сочиненій Гёте, заключивъ статью свою въ немногія страницы? Одинъ *Фаустъ* можетъ быть поводомъ къ нѣсколькимъ томамъ поясненій. Мы полагаемъ однакожъ, что не безъ пользы прочтетъ страницы сіи тотъ, кто не имѣетъ случая углубляться самъ въ сочиненія безсмертнаго Германскаго поэта и философа. Даже знакомые съ языкомъ его не всегда отваживаются на такой подвигъ. Но; пора знакомишься намъ, Рускимъ, съ Нѣмецкою Литературою, которой представителемъ главнымъ, хотя и не единственнымъ, остается великій Гёте.

Думаемъ, что не можемъ лучше заключить нашей статьи, какъ представивъ здѣсь нѣсколько мыслей Ампера о Гёте. Переводомъ всего разсужденія его, Гёте, такъ сказать, утвердилъ мысли Французскаго Критика. Все, что говоритъ сей послѣдній о Франціи, можно примѣнить и къ Россіи.

«Слава Гёте распространяется у насъ тихо, и главная причина этого въ высшемъ свойствѣ его генія — оригинальности. Все оригинальное, то есть глубоко запечатлѣнное характеромъ, собственно принадлежащимъ какому либо человѣку или народу, сначала не лег-

ко заслуживаетъ одобреніе; а оригинальность есть самое рѣзкое свойство Гёте. Можно сказать даже, что эпопъ независимый человѣкъ доводитъ до излишества то качество, безъ котораго нѣтъ генія. Впрочемъ, всегда потребно нѣсколько усилія, когда хотимъ освободиться отъ привычки, и постигнуть Изящное, являющееся намъ въ новой формѣ. Но съ Гёте не довольно сдѣлать это усиліе одинъ разъ: надобно возобновлять его для каждаго изъ его сочиненій, потому, что всѣ они созданы подъ различнымъ вдохновеніемъ. Переходя отъ одного къ другому, всякой разъ входите вы въ новый міръ. Это плодовитое разнообразіе можетъ испугать воображеніе лѣнивое, можетъ сбить съ полку ученіе исключительное; но это-же самое разнообразіе Гёте привлекаетъ къ нему умы, которые столько возвышены, что могутъ понять его, столько сильны, что могутъ слѣдовать за нимъ.

«Есть люди, одаренные столь сильнымъ, рѣзкимъ характеромъ, что сначала онъ изумляетъ и даже отталкиваетъ; но свыкнувшись съ ними, привязываюпся къ нимъ именно за тѣ качества, которыя сначала удаляли. Таково дѣйствіе сочиненій Гёте. Они выигрываюпъ, когда вы узнаете ихъ; но чтобы узнать, на-

добно принять на себя трудъ изучить ихъ; трудъ, потому что часто въ нихъ странность формы скрываетъ глубокій смыслъ идеи. Почти всѣ поэты бываютъ одинаковы всегда, и потому-то легко наблюдать ихъ, легко слѣдовать за ними. Гёте, напротивъ, всегда столь отличенъ отъ другихъ и отъ самого себя, столь неуловимъ, столь непостижимъ въ стремленіи къ своей цѣли, часто такъ разстроиваетъ обыкновенныя привычки Критики и даже удивленія, что человѣкъ, желающій вполнѣ наслаждаться имъ, долженъ быть такъ же свободенъ отъ всѣхъ литературныхъ предразсудковъ, какъ онъ. А можетъ быть столь же трудно вспрѣтить читателя совершенно безъ предразсудковъ, какъ и поэта, который-бы, подобно Гёте, попралъ ихъ всѣ, безъ исключенія.»

К. П.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НЕСОЧИНЕННАГО ЕЩЕ СОЧИНЕНІЯ.

«Башарея! Залпъ будетъ!»

Устивъ Артиллерійскаго ученья.

Заря чуть занималась противъ твердыни Ахалцыха, обложеннаго Русскими войсками. Только въ вышинѣ, надъ моремъ мрака и дыма, можно было различить зубчатыя стѣны замка и головы минаретовъ, краснѣющіе по невѣрнымъ отблескомъ Востока, по кровавымъ огнемъ повременныхъ выстрѣловъ. Замокъ этотъ походилъ тогда на исполинскій корабль съ обломанными мачтами, рѣющій по волнамъ и бьющійся утопая. Это было въ роковое утро Ахалцыхскаго приступа, 15-го Августа 1828-го года. Батареи наши, устроенныя противъ сѣвернаго вала города, неумолчно громили оный цѣлыя сутки, во-первыхъ чтобы разрушить бастіонъ, который прикрывалъ куртину, обреченную на приступъ, во-вторыхъ чтобъ мѣшать врагамъ и ночью исправлять разрушенное. Но съ разсвѣ-

шу велѣно было пальбу разрѣдишь, вѣроятно для того, чтобы до рѣшительной минуты утаить истинные замыслы. Батарея праваго крыла замолкла вовсе.

На этой-то батареѣ, окопанной земляным бруствероmъ съ короною изъ пуровъ, Артиллеристы, прикорнувъ къ орудіямъ, дремали съ банниками и зарядными сумами подъ рукой. Пальники, воткнутые въ землю, роняли искры на вѣтеръ. Подлѣ одной изъ амбразуръ спалъ, сидя на землѣ, командиръ батареи Подполковникъ Виноградовъ, завернувшись въ шинель и опустивъ голову въ колѣна. Турецкія ядра, гудя въ ночномъ воздухѣ, прыгали черезъ его голову; гранаты, брошенныя на удачу, лопались на лету или ударяли въ ограду, осыпая его землей и осколками — но онъ спалъ.

Въ это время, съ холма, отдѣлявшаго станъ отъ окоповъ, прискакалъ къ батареѣ офицеръ высокаго роста, спрянулъ съ коня, бросилъ поводъ въ руки барабанщика и наконецъ доискался Подполковника Виноградова. Добудишься его, впрочемъ, было не такъ легко, какъ найдти. Нѣсколько разъ кликалъ онъ и дергалъ за плечо сонливца — все напрасно. «Проснишься, Подполковникъ!.. Иванъ Ильичъ! взгляни пожалуста! не слышитъ! — Виноградовъ!» наконецъ закри-

чалъ онъ ному на ухо такъ звонко, что многіе канонеры бросились по мѣстамъ.

Виноградовъ проснулся.

«Пора что-ли?» сказалъ онъ вскакивая... «Къ орудіямъ! смирно! батарея, залпъ будетъ?»

У Виноградова былъ чертовскій голосъ. Бывало, подъ Эриванью, гдѣ онъ командовалъ брешъ-батареей, чуть раздавался любимый привѣтъ его: «Батарея! залпъ будетъ!» непріятельская стѣна пустѣла и крѣпостныя орудія замолкали вдругъ. Все бѣжало долой или падало ницъ — пушкари и стрѣлки — такъ хорошо знали они голосъ Русскаго Топчи; такъ боялись мѣткости его выстрѣловъ. И тутъ съ просонковъ онъ гаркнулъ прямо по-богатырски: казалось, что кликъ его покрылъ ревъ пальбы, и что дрогнувшій надъ ними сводъ пороховыхъ облаковъ сыплется, роняетъ камни. Какъ нарочно будто лопнула въ воздухѣ граната, на заключеніе оглушающаго crescendo Виноградова, и чугунные иверни ея, форча мимо ушей, вонзились въ землю.

—Тише, ради Бога, тише!— произнесъ пріѣхавшій офицеръ.— Ты до поры до времени переполошишь Турокъ. Я не привезъ тебѣ очереди стрѣлять; я пріѣхалъ самъ отъ себя, хорошенько разглядѣть позицію, гдѣ-бы всего вы-

годнѣе и всего короче провести свой баталіонъ, когда пойдемъ на приступъ.

«Только-то?» сказалъ Подполковникъ потягиваясь.» Зачѣмъ-же ты не попросишь свой орденъ Персидскаго Солнца посвѣтишь тебѣ въ потемкахъ!... Съ моими фитилями не много толку. Дай мнѣ заснуть еще хоть минутку, Вадимовъ. Я не спалъ трои сутки— сонъ такъ и моритъ, такъ и клонитъ меня. Вольно!» скомандовалъ Подполковникъ и завернулъ голову въ шинель.

— Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ Ильичъ! стара, брать, штука. Мнѣ нужны твое знаніе мѣстности, твои совѣты, твоя дружба. Можетъ статься, немного минутъ осталось намъ быть вмѣстѣ на этомъ свѣтѣ— неужели-же мы бросимъ эти минуты сну?

Подполковникъ, еще дремля, подалъ изъ подъ шинели руку свою Вадимову—и тотъ сжалъ ее съ чувствомъ.

—Ну, да и меня въ сторону; время-ли теперь спать! — сказалъ онъ.—Черезъ часъ рѣшится участь Ахалцыха и нашего войска. Заря освѣтитъ славу или безславіе Рускихъ... Жизнь многихъ тысячь идетъ на одну ставку— судьба ужь тасуетъ карты—а ты спишь!...»

«Пятерка ва-банкъ!» вскричалъ вскакивая Подполковникъ и простеръ къ городу жилистую руку свою.

Пріѣзжій разсмѣялся.— Да, Русская рука владыка! она сорветъ хоть какой банкъ подъ конецъ игры; но развѣ въ первый разъ Рускіе подъ спѣнами Ахалцыха? А Турки все-паки говорятъ: «Сорви прежде мѣсяцъ съ неба, а попомъ съ мечети Ахалцыха!» Дивлюсь я тебѣ, Иванъ Ильичъ: надо много имѣть Нѣмецкаго равнодушія, или чисто Русской, беззаботной храбрости, чтобы спать и шутить за мигъ до кровавой, невѣрной битвы.

Подполковникъ съ важностію взялъ за руку пріѣзжаго. «Послушай, другъ!» сказалъ онъ. «Шутить я стану и въ сраженіи— у меня такая природа, именно природа— и не болѣе. Это не отвага, не привычка, не хвастовство—въ этомъ не моя вина и не моя заслуга. Это просто широкая кровоносная жила, которая позволяетъ мнѣ такъ-же легко дышать въ пороховомъ дыму, какъ на чистомъ воздухѣ. Но сплю я передъ дѣломъ не изъ безчувствія, а потому что у меня все въ исправности, потому что я увѣренъ въ успѣхѣ, наконецъ потому что я измученъ усталостью и безсонницею. Посмотри на моихъ канонеровъ: неужели ты думаешь, что они всѣ Волжинскіе (*)? Напрасно! я увѣренъ, что между ними есть нѣмые шрусы; а разбери-ка ты

(*) Имя Полковника Волжинскаго, недавно убитаго въ сраженіи съ Чеченцами, за беззавѣтную храбрость вошло за Кавказомъ въ пословицу.

ихъ теперь съ храбрецами! Они всѣ храпятъ равнехонько, потому что равно истомлены, заряжая и надвигая три дни безпрестанно орудія. Теперь за то не пробудитъ ихъ взрывъ никакой бомбы подъ носомъ—ни что, кромѣ моего голоса.

—И всегда было такъ съ тобою?—спросилъ пріѣзжій?

Подполковникъ задумался... «Однажды — да это было только однажды,» отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, «что я не смыкалъ очей, усталый во сто разъ больше теперешняго, что я молился всю ночь передъ сраженіемъ, что я плакалъ какъ дитя.»

—Ты, ты плакалъ?

«Я, да, я плакалъ; но это было въ ночь передъ Бородинскимъ сраженіемъ!! О, то была роковая, грозная, священная ночь для всѣхъ Русскихъ — а я былъ Рускій безъ примѣси, какъ теперь; но я не былъ старъ, какъ теперь. Я зналъ какимъ-то чутьемъ, что за той ночью рѣшится судьба отечества, и трепеталъ за него, какъ трепещетъ теперь нашъ Графъ за жизнь солдатъ своихъ, за Русскую славу. Тогда-жъ не объ одной славѣ, не объ одной жизни Рускихъ, но о свободѣ Руси шло дѣло: о томъ, быть-ли ей или не быть, носить-ли намъ имя народное не краснѣя, или видѣть его сорваннымъ, растоптаннымъ въ грязи!.. Тяжко было, ужасно бы-

ло! И этотъ святой ужасъ проникъ тогда всѣ сердца, всѣ умы, отъ полководца до послѣдняго рядоваго. Никто не боялся тогда умереть —боялись, что трупы наши не загородятъ Наполеону дороги къ порабощенію милой родины. Я бѣсился, читая въ нѣкоторыхъ романахъ и Журналахъ описанія Бородинской ночи: слушать ихъ, такъ у насъ въ лагерѣ былъ тогда чуть не пиръ горой! и пѣсни да шутки, и смѣхи да потѣхи!! Писали это или не Русскіе, или не очевидцы, или какіе нибудь дупики, лишенные всякой наблюдательности, которые грѣлись тогда не у бивачнаго огня, а у Генеральскаго самовара; люди, которые даже изъ крови умѣютъ пускать мыльные пузыри, надутые пошлыми газетными восклицаніями. Неправда-жь, горькая неправда, будто мы тогда радовались. Съ нами былъ Кутузовъ, напротивъ насъ былъ Наполеонъ; а кто изъ насъ не зналъ его военнаго генія, кто не видѣлъ его несмѣтныхъ полчищъ, его неистощимыхъ средствъ? Эта безмолвная, тяжелая дума, утопила весь станъ нашъ въ смертную тишину. Никто не спалъ. Солдаты заботливо чистили ружья, точили штыки, и, готовясь къ смерти, надѣвали чистыя рубашки. Шепотомъ завѣщали они землякамъ отнести поклонъ, кто къ женѣ, кто къ брату, кто благословеніе дѣтямъ, если вынесетъ Богъ изъ сраженья и службы. Многіе мѣнялись крестами и

образами. «Крестовый братъ! не выдай!» говорили они другъ другу, прощаясь. «Братья товарищи! не поминайте лихомъ.» Они знали, что завтра будутъ драться на порогѣ Москвы, а Москву каждый считалъ воротами въ домъ свой; но это не былъ страхъ, то не было отчаяніе— то была гордая рѣшимость умереть за свою отчизну, и умереть не напрасно. Скипающійся образъ Смоленской Божіей Матери стоялъ въ лагерѣ. Тысячи солдатъ толпились около него, прикладывались, молились въ землю. Всегда коротка солдатская молитва, но въ ту ночь она была особенно искренна, потому что солдаты молились за спасенье Россіи, потому что Русское войско былъ тогда Русскій народъ. И они набожно бросали послѣднія копѣйки свои въ кружку, благоговѣйно подклоняли головы подъ кропило, умываючись святой водой, готовясь умыться священною кровью— какая-жь кровь не священна пролитая за отчизну!.. О, это было умилительно, это было торжественно! Съ тѣхъ поръ, какъ брата полюбилъ я Русскаго солдата: это самое безропотное животное въ самой тяжкой долѣ; это самое беззаботное въ опасностяхъ созданье; и, что всего чуднѣе, самое нехвастливое существо послѣ чудесъ храбрости, существо, которое за Царя проливаетъ радушно остальную каплю крови, отдаетъ Богу остальную лепту!... Я былъ тогда вольнодумецъ—

по крайней мѣрѣ на словахъ, по крайней мѣрѣ по модѣ— но приблизясь къ образу изъ любопытиспва, я былъ увлеченъ примѣромъ.... Я палъ ницъ— плакалъ горько— молился съ вѣрою, но едва не съ отчаяніемъ... Судьба родныхъ моихъ, судьба моей родины, какъ чугунное ядро пягопѣла въ сердцѣ— я чувствовалъ, что одно чудо могло спасти ихъ, а чтобы вѣрить свершенью чудесъ, необходима пылкая вѣра! Я поднялъ голову — и мнѣ показалось при мерцаньи лампады, будто ликъ образа съ любовію склоняетъ ко мнѣ свои взоры, будто небесныя очи его сверкаютъ слезами, будто уста шепчутъ слова надежды— мнѣ стало легче, съ души будто гора скатилась. Нѣтъ! сказалъ я самому себѣ. Русь не будетъ рабыней Франціи! — И я молился еще, но уже съ отрадою. И слезы, и дыханье, и мысли— весь я превратился тогда въ молитву!»

—Ты былъ поэтъ!— съ жаромъ произнесъ пріѣзжій, прижимая руку Подполковника къ груди.

«Я былъ Артиллерійскій Подпоручикъ,» хладнокровно отвѣчалъ тотъ. «Я и не забылъ тогда этого; я осмотрѣлъ всѣ заряды, всѣ скорострѣльныя трубки, каждую ось, всякой винтъ на лафетѣ, всякой ремень на упряжи, даже острыли срѣзные ножи у бомбардировъ. Такъ внима-

тельно исполнялъ въ ту ночь свою должность каждый.... и вотъ засѣрѣло утро!

«Но не здѣшнее, не сегоднишнее утро, безъ зари и тумана, а наше Русское, осеннее утро, со своею свѣжестью и запахомъ павшихъ листьевъ; съ туманами, которые то обдаютъ тебя холодкомъ, то словно одѣваютъ горностаевой шубою. Краснѣе крови всшало солнце— и озарило вышины Бородинскаго поля. То была чудная картина... Она врѣзалась въ мое воображеніе такъ ярко, такъ живо, какъ будто я теперь стою опершись о колесо пушки, которая ужь давнымъ давно отслужила свой срокъ, удостоена въ ломку и перелита Богъ знаетъ во что. Лѣниво снимались туманы, но съ каждой улетающей волною дальше и дальше распахивалось поле, и наконецъ, когда они отхлынули совсѣмъ, всё раздолье наступающей битвы проглянуло какъ въ райкѣ. Тамъ и сямъ дымились испепеленныя уже деревнишки; батареи правда были скрыты, но холмы щетинились штыками, и колонны волновались словно забытыя серпомъ полосы жатвы. Земля вспахана ужь была колесами орудій и подковами коней— гостова родимая приметъ посѣвъ картечь и ядеръ, и потомъ упьется кровавымъ дождемъ, чтобы на весну взошла ужасная озимь, заразою. Полки входили въ линію безмолвно, но на лицѣ кажда-

го написано было: «Умру, а не побѣгу.» Адъютанты и ординарцы носились спремглавъ, крестили взадъ и впередъ. Ропотъ Русской земли съ каждымъ мигомъ становился слышнѣе и грознѣе: казалось, она съ негодованіемъ гнула хребетъ свой подъ тяжестію вражеской артиллеріи и конницы... Она колебалась и гудѣла какъ море передъ грозою— шого и ждалъ я, что она всплещется валами и поглотитъ новую армаду.»

—А развѣ не разступилась, развѣ не поглотила Русская земля эту армаду?— сказалъ задумчиво пріѣзжій.— У стѣнъ Кремля застыла все пожигающая лава Наполеона, и теперь на пеплѣ ея зеленѣютъ виноградники свободы народовъ. Въ 1825-мъ году рыскалъ я по Бородинскому полю, вслѣдъ за Принцемъ Оранскимъ, котораго влачила за собой въ 1812-мъ году желѣзная воля Наполеона—и вотъ онъ, 13-ть лѣтъ спустя, пришелъ съ береговъ Шельды поклониться тому мѣсту, на которомъ Рускіе заложили первый камень освобожденія Европы—и этотъ камень была гробовая плита 20 тысячъ нашихъ собратій! И мы, прежніе враги, теперь родные не только по кровному союзу Монарховъ нашихъ, но и по чувствамъ души, мы стояли на холмѣ, покрытомъ этою плитою, и думали, онъ о минувшемъ, я о будущемъ.

«C'est un pélerinage d'expiation,» сказалъ мнѣ Принцъ.

«Pélerinage de réconciliation,» возразилъ я.

—Да, время примирило всѣ вражды, залечило всѣ раны. Роскошныя жатвы всходили на нивахъ, упучненныхъ трупами, увлаженныхъ кровью двадцати народовъ. Красивыя села красовались на пепелищахъ деревень, когда-то распащенныхъ для бивачныхъ костровъ. Въ деревнѣ Горки, одинъ старикъ грѣлся на солнцѣ сидя на доскѣ, положенной на двухъ гранатахъ. Здоровые ребятишки рѣзвились на улицѣ. Одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ намъ, и вертя въ рукахъ пуговицу, сказалъ: «Купите, баринъ, Французскую пуговицу — отецъ мой вчерась выпахалъ ее изъ земли!» Принцъ далъ малюпкѣ червонецъ и взялъ отъ него бездѣлку. «Вотъ судьба орловъ Наполеоновыхъ!» сказалъ онъ, показывая ее намъ: на ней подъ орломъ выбитъ былъ нумеръ славнаго 61-го полка.

«Да, бомба меня убей, это былъ храбрый полкъ!» вскричалъ Подполковникъ. «Батарея наша стояла на гребнѣ лихо окопана и сильно прикрыта; но этотъ черповскій полкъ пошелъ на насъ молча, ружье подъ курокъ, равняясь подъ картечами какъ на разводѣ— только надвинувъ на глаза кивера. Страшно и любо было

смотрѣпь на эпихъ удальцовъ. Говоряпъ, Багратіонъ закричалъ: браво, браво, и захлопалъ имъ въ ладоши. Я постигаю это увлеченіе: для героя исчезли погда враги — онъ видѣлъ только неустрашимыхъ, кто-бъ они ни были. Только половина этого полка дошла до насъ и сбила насъ; другая лоскомъ легла на скатѣ.

—Съ нами, спашься можетъ, черезъ часъ будетъ то-же: Турки за стѣнами сидятъ на смерть, особенно въ Ахалцыхѣ; онъ искони славится неодолимостью своихъ стѣнъ, неустрашимостью своихъ защитниковъ. Когда Французы дрались на диво за пустое слово, за безумный замыселъ своего повелителя— не понимая ни того, ни другаго—чего не сдѣлаютъ Турки, изувѣрные и безстрашные по природѣ, на защиту своей вѣры и родины? Въ нихъ непримирима ненависть, въ насъ ненасытна жажда отличій: битва будетъ ужасна. Я иду впереди на приступъ... и кто знаетъ, можетъ быть паду изъ первыхъ! Какой-то неясный, тайный голосъ говоритъ даже, что я паду навѣрно... Другъ! тебѣ въ такомъ случаѣ передсмертный завѣтъ мой— дай слово, что ты исполнишь его!

« Это не личная месть?

—Сохрани Боже. Пусть никакая злоба не переживетъ меня; да и зачѣмъ ей вывариваться ядъ

изъ костей моихъ, когда не могла она доселѣ выжать ни капли яду изъ этого сердца, полнаго любовью, одной любовью!»

«Понимаю теперь: порученіе твое будетъ по сердечному опряду!»

—О, не шути этимъ, Иванъ Ильичъ! Любовь моя для меня не одно сердце, не одна душа, но самъ я, но весь я: она моя мысль, мой свѣтъ, жизнь моя, судьба моя. Видишь-ли ты красное знамя надъ крѣпостью? Каждый изъ васъ превращаетъ его своимъ желаніемъ, кто въ капитанъ на слѣдующій чинъ, кто въ орденъ, кто въ листъ реляціи, гдѣ его имя напечатаютъ не буквами, а звѣздами; но не крыло славы мнѣ вѣетъ въ этомъ знамени; нѣтъ: покрывало той, которую люблю. Дорога къ ней черезъ трупы, черезъ разбитыя спѣны, сквозь пламень и воду—и что успоитъ, когда я устремлюсь къ ней съ саблею въ рукѣ? Кровь мою, всю кровь выпилъ-бы я славѣ, если-бъ славу эту могъ я послать себѣ въ изголовье, чтобы съ *ней* вмѣстѣ склонишь на него голову— и потомъ умрешь.

«Мечтатель, мечтатель!» произнесъ улыбаясь Подполковникъ. «Жаръ-голова!»

—Что жь добраго дѣлалось-бы на свѣтѣ съ ледъ-головами! О, не отнимай у меня этой мечты: она мое неизмѣнное копье, мой конь-игрень,

мои лапы заколдованныя; мечта эта вина и цѣль моей отваги. Какое дѣло, одинаковы-ли пружины, когда онѣ всѣ согласно двигаютъ машину къ общей пользѣ?... Обѣщай-же мнѣ, Винградовъ, что если меня не станетъ, ты съѣздишь въ Петербургъ; тамъ отыщешь одну даму, по адресу этого письма, и отдашь ей мои бумаги. Разскажи ей мою службу, мою жизнь, обѣ черезъ край полныя крови и желчи, лишеній и отличій. Военную славу избрала она сваxою между ею и мною — скажи-жь ей, что я какъ Цезарь палъ у стопъ этого холоднаго идола славы, палъ хватаясь за вѣнецъ! И послѣдняя мысль моя была *о ней*, и послѣднее слово мое было *ея* имя!... Другъ! ты исполнишь это?... Обѣщаешь-ли ты мнѣ это?

«Вадимовъ, ты знаешь меня!»

—Винградовъ, ты понимаешь меня!

Друзья обнялись крѣпко, долго. Щеки обоихъ были мокры, когда они подняли головы отъ плеча другъ друга. «Какіе мы ребята!» произнесъ Подполковникъ. «Что за невидаль приступъ! что за предчувствія смерти! Увидишь самъ, что выйдешь изъ дѣла цѣлъ и живъ; при томъ-же и то сказать: можетъ быть я угожу прежде тебя къ сатанѣ на ужинъ à la fourchette.»

—По крайней мѣрѣ по разсчету вѣроятностей,

любезный Иванъ Ильичъ, едва-ль до тебя дойдетъ очередь умереть сегодня. Брустверъ довольно высокъ!

«Да неужели ты думаешь, что я усижу за этимъ брустверомъ до конца дѣла? Ей Богу нѣтъ! Бомба меня убей, нѣтъ! Когда колонны прорвутся за палисады, я подвезу свои орудія на пистолетный выстрѣлъ, и буду окачивать бусурмановъ чугуннымъ ливнемъ сквозь кровли и стѣны.»

—Какъ-то еще позволятъ!

«О, я увѣренъ, что Графъ позволитъ мнѣ, прикажетъ мнѣ это. Сидѣть на батареѣ сиднемъ, бомба меня убей!... Да, лучше было мнѣ лежать со шпыкомъ въ боку, подъ колесомъ орудія, которое Французы сбирались увезти съ Бородинскаго поля, чѣмъ зѣвать на бой, когда другіе дерутся. Да, братъ Вадимовъ! жарко здѣсь, а все таки не чета Бородину— я....»

Народная война и потомъ война во Франціи, была слабая струна Подполковника. Разсказы о нихъ прилетались у него ко всему и ко всѣмъ, то для сравненія, то для прошиворѣчія. «Вотъ ни дать ни взять такъ случилось подъ Смоленскомъ,» начиналъ онъ; «или то-ли дѣло было подъ Кульмомъ! такъ-ли дрались мы подъ Фершампенуазомъ!» — И вслѣдъ за этимъ пре-

дисловіемъ тянулась безконечная, какъ Петергофская бумага, исторія о позиціяхъ, ошибкахъ, преслѣдованіяхъ, о всѣхъ рапныхъ случайностяхъ. Описанія его были необыкновенно вѣрны и оригинальны — его можно было заслушаться: онъ все видѣлъ самъ, вездѣ былъ самъ; все зналъ, все помнилъ, да! на бѣду нашу, все, кромѣ того, сколько разъ онъ разсказываетъ одно и то-же, однимъ и тѣмъ-же. Видя, что разсвѣло, Вадимовъ прервалъ многоглаголиваго Артиллериста просьбою разглядѣть вмѣстѣ засѣнье Ахалцыха; и вотъ оба друга, вскочивъ на амбразуру, внимательно принялись изучать всю игру мѣстности: канавки, рытвины, пригорки, поясняя другъ друга замѣчаніями. Ядра и гранаты прыгали, летали черезъ нихъ, съ шумомъ разрывая воздухъ.

Между тѣмъ востокъ загорѣлся и окрестность почти вдругъ возникла изъ мрака, будто земля впервые озаренная солнцемъ изъ хаоса. Ни одного облачка не было на небѣ, никакого тумана по горамъ. Весь Ахалцыхъ открылся какъ на ладони. На высокомъ каменномъ сосцѣ дерзко вставалъ старинный замокъ его, подпершись башнями и оскаливъ зубцы свои, между коими сверкали пушки. Домы города, съ нависшими ярусами, съ цвѣтными ставнями, съ плоскими кровлями, возвышались неровными,

уступчатыми купами, запливъ между собою спупанныя улицы. Иные изъ нихъ, казалось, лѣзли въ гору къ стопамъ замка, чтобы пріютиться подъ его защиту; другіе словно разбѣжались по склону холма вдаль отъ жадносши Баши. Тамъ и сямъ изъ среды ихъ просились въ небо спройныя минары (*), получившія голосъ подобно статуѣ Мемнона отъ солнечнаго луча. Муэззины кричали свою обычную молитву, хотя ревъ пушекъ заглушалъ ее, а мѣткія ядра вырывали кирпичи изъ столба.

Кое-гдѣ, подлѣ изразцовыхъ или бѣлыхъ куполовъ мечетей, возносились стрѣловидные тополи, и они свѣжо, отрадно зеленѣлись между грудами грязныхъ зданій, точно свѣтлыя мысли, запавшія случайно въ огромную книгу схоластическихъ нелѣпостей.

Всѣ валы, охватывающіе городъ, опушены были облаками дыма, и лишь когда вѣперокъ раскачивалъ ихъ на мигъ, видны были разноцвѣтныя чалмы Янычаръ и Горскіе папахи, надъ огрудниками.

До всхода солнца, пушки съ обѣихъ сторонъ перебранивались отрывисто. Но каждый лучъ,

---

(*) Не минаретъ по-Турецки мечетная башня, но минара.

падающій съ неба, казалось, запалялъ какъ фи-тиль огонь новыхъ орудій, такъ, что когда солнце возникло въ полномъ блескѣ, вся окруж-ность Ахалцыха закипѣла пальбою. Сначала мѣр-но, хладнокровно отвѣчали наши батареи на бѣшеную стрѣльбу съ валовъ; но попомъ, будто разгораясь постепенно гнѣвомъ, онѣ разъ за ра-зомъ чаще и грознѣе двоили, усиливали огонь свой, такъ, что когда городскія орудія, будто послѣ неистовства отъ опіума, притихли, падая въ дремоту безсилія, наши съ возрастающею лю-тостію, зыбля ревомъ землю, метали чугунный вихорь свой въ непріятельскія бойницы, вихорь, который долженъ былъ распылить и сместь ихъ съ лица земли.

А. Марлинскій.

(*Продолженіе впредь*).

ЭММА.

(Продолженіе).

IV.

Въ огромной диванной своего великолѣпнаго Княжескаго дома, сидѣла Княгиня С***. Комната была богато убрана и превосходно меблирована. Стѣны ея были красиво драпированы краснымъ сукномъ, съ золотыми подборами. Противъ Княгини, подлѣ окна, сидѣлъ и глядѣлъ въ окно на обширную Москву супругъ Княгини Князь С*** .Онъ былъ въ шелковомъ большомъ шлафрокѣ. Впрочемъ, трудно было рѣшить, что̀ его занимало болѣе: видъ-ли Москвы, или пара болонокъ, которыя прыгали, кусались и играли въ комнатѣ? Князь кликалъ ихъ, бранилъ, ласкалъ, бралъ къ себѣ за пазуху, ссорился, мирился съ ними. Княгиня не принимала участія въ его занятіи; сидѣла подлѣ столика, гоняла отъ себя собаченокъ,

когда онѣ подбѣгали къ ней, и казалась весьма недовольною. Двѣ колоды картъ лежали передъ нею на столикѣ; Княгиня не трогала ихъ. Наконецъ, она громко позвонила. Вошелъ лакей. « Ну?» сказала она вошедшему лакею. — Они изволили возвратиться — отвѣчалъ лакей. « Такъ что-жь ты не зовешь его ко мнѣ?» вскричала Княгиня, такъ сердито, что лицо ея покраснѣло отъ досады.— Докладывалъ; изволили пойдти къ Его Сіятельству; сказали: приду.— « Поди-же, попроси его пожаловать ко мнѣ скорѣе; да, учтивѣе говори, болванъ!» закричала Княгиня. Лакей ушелъ.

— Матушка—тихо проговорилъ тогда Князь, зажимая ротъ собачкѣ, залаявшей отъ громкаго восклицанія Княгини — ты испугала моего Коко!

« Мнѣ кажется, Князь, этотъ гадкій Коко заставляетъ васъ забывать, что кромѣ его есть что нибудь на свѣтѣ.»

— А что-же такое есть еще на свѣтѣ? — спросилъ Князь, въ недоумѣніи поднимая голову.

«Напримѣръ, у васъ есть единственный сынъ, и этотъ сынъ болѣзнію своею ведетъ ко гробу вашу жену.»

— Вы знаете, Княгиня, что я не люблю говорить объ этомъ печальномъ предметѣ.

«Потому, что вы эгоистъ, и если-бы сынъ вашъ скорѣе умеръ, вы порадовались-бы этому, какъ избавленію отъ скуки!»

— Лучше умереть, Княгиня, нежели остаться безъ ума.

«Однакожъ, есть примѣры людей, въ чинахъ и богатствѣ, вовсе лишенныхъ ума.» Княгиня насмѣшливо взглянула на Князя.

— То есть, не одаренныхъ большимъ умомъ? хотите вы сказать — отвѣчалъ Князь, какъ будто не понимая намека Княгини. — Они не сумасшедшіе однакожъ. Большой умъ опять зло, и очень большое зло. Знаете-ли, что я опытомъ узналъ это?

«Не на себѣ-ли самомъ?»

— Нѣтъ! на чиновникахъ и людяхъ, съ которыми случалось имѣть дѣла въ жизни. Повѣрьте мнѣ.....

«Замолчите, сдѣлайте милость!» прервала съ досадою рѣчь его Княгиня. Князь испугался; молчалъ съ минуту; потомъ опять старался завести разговоръ. — Ты не поняла меня, mon amie—началъ онъ тихо и ласково — я сказалъ,

что лучше пожелаю смерти моему милому Полю, нежели соглашусь видѣть его на всю жизнь сумасшедшимъ.

« И вы говорите объ этомъ такъ хладнокровно; какъ будто рѣчь идетъ о вашей гончей собакѣ? » вскричала Княгиня.

— Надобно философически смотрѣть на вещи. Вы знаете правило Гельвеція...

« Я знаю одно, что только сердце матери способно чувствовать и оцѣнить потерю сына.»

— Но развѣ мы не приняли всѣхъ мѣръ, mon amie? Нашъ Докторъ....

« Вашъ Докторъ пустой ученый говорунъ! »

— Помилуйте: его Европейская слава, письма Гуффланда, рекомендація Франка и Аберкромби...

« Вся ваша Европа дура! »

— Но я самъ говаривалъ съ нимъ...

« Вы, сударь, безчувственное созданіе!

— Но, вы сами, Княгиня...

« Что-же я разумѣю въ ихъ глупой наукѣ, въ этой Медицинѣ? Одно вижу я, что всѣ Доктора обманщики и насъ дурачатъ.»

Князь не отвѣчалъ, какъ будто рѣшительный тонъ Княгини убѣдилъ его въ истинѣ всего, что говорила Княгиня. Онъ началъ глядѣть въ окно, и напѣвалъ въ полголоса:

Dans ma cabane obscure
Toujours soucis nouveaux;
Vent, soleil, ou froidure,
Toujours peine et travaux!

Въ это время послышались въ другой комнатѣ тяжелые шаги Доктора. Приближеніе его произвело чудное дѣйствіе на Княгиню: она поправила свою шаль; небрежнѣе сѣла на диванъ; улыбка вдругъ появилась на лицѣ ея, и, какъ будто веселою маскою, закрыла всю ея досаду. Никто не узналъ-бы теперь въ этой ловкой, свѣтской, ласковой женщинѣ сердитой барыни, бранившей мужа своего, Доктора и всю Европу за минуту прежде.

— Мой любезный Г-нъ Докторъ — сказала Княгиня—я ждала васъ нетерпѣливо.

«Я къ вашимъ услугамъ, Княгиня»—угрюмо отвѣчалъ Докторъ. «Что вамъ угодно?»

— Могу-ли думать о чемъ нибудь, кромѣ одного!

«Теперь въ самомъ дѣлѣ, Княгиня, пришло время доказать на дѣлѣ ваши слова: точно-ли думаете вы *только объ одномъ*, то есть, о жизни вашего сына.»

— О жизни? Боже мой! вы меня пугаете!

«И не думалъ пугать: вы рѣшительно можете спасти его — или погубить, также рѣшительно.»

— Спасти! Говорите ради Бога, говорите, Г-нъ Докторъ.

«Да! это въ вашей волѣ. Болѣе говорить нечего.» Докторъ спокойно сѣлъ на диванъ, и началъ нюхать табакъ изъ своей огромной золотой табакерки.

— Сжальтесь надъ безпокойствомъ матери, скажите скорѣе!

«Но я не имѣлъ еще чести слышать вашего отвѣта на первыя мои слова.»

— Чего пожалѣемъ мы для нашего Поля! Деньги—все, что вамъ угодно!

«А если-бы это стоило полъ-имѣнія вашего?»

— Г-нъ Докторъ! я не понимаю....

«А, кажется, очень понятно: если-бы это стоило полъ-имѣнія—сказалъ я. Дѣло идетъ не о такомъ леченіи, гдѣ говорится только о

возможности вылечить—нѣтъ! Сынъ вашъ черезъ полгода непремѣнно будетъ здоровъ, какъ первый ѣдокъ Лондонскаго бифштекса и первый *боксеръ* Смитфильдскаго рынка, или вы можете сказать мнѣ въ глаза, что я величайшая скотина, и приказать вашимъ лакеямъ выполкать меня въ шею!»

— Ваша услуга будетъ оцѣнена во что вамъ угодно.

«Моя услуга уже оцѣнена тѣмъ, что вы мнѣ договорились платить и платите. Больше мнѣ ничего не надобно. Понимаете, Княгиня: ни одного талера лишняго! Не обо мнѣ тутъ дѣло. И развѣ могъ-бы я сказать о самомъ себѣ, что вылечу навѣрное, не только сумасшедшаго вашего сына, но даже одурѣлую кошку?»

— Я васъ не понимаю. И безъ этого, я хотѣла спросить васъ, что значитъ нелѣпое происшествіе, о которомъ разсказывалъ мнѣ управитель? Что это за Нѣмка? Что было въ саду у нашего сосѣда? Мнѣ крайне непріятна исторія, гдѣ можетъ быть вмѣшано наше имя.

Докторъ молчалъ.

— Я хотѣла видѣть сына моего, пошла къ нему, и увидѣла его спящаго, накрытаго какимъ-то женскимъ платочкомъ. Мнѣ сказали, что онъ спитъ уже двѣнадцать часовъ сряду, и вы не велѣли его трогать.

«Но, мой другъ,» сказалъ Князь— «развѣ ты не побоялась идти къ нему въ павильонъ?»

— Вы ничего не знаете: онъ переведенъ теперь въ свои комнаты.

«Какъ? Онъ здѣсь — въ комнатѣ? Но его припадки ужаснаго бѣшенства?»—Докторъ молча взглянулъ на Князя.— «Я говорю объ опасности припадковъ его,» сказалъ Князь въ замѣшательствѣ. — «Вы полагаете, что пребываніе его здѣсь не опасно?» съ робостію прибавилъ Князь.

Докторъ не хотѣлъ ничего отвѣчать ему, оборотился къ Княгинѣ, и смотрѣлъ на нее пристально. «Если-бы не лекарь явился, но сдѣлалось чудо, и Ангелъ Божій слетѣлъ на землю для исцѣленія вашего сына — согласитесь-ли вы наградить его всѣмъ, чего только онъ потребуетъ?»

— Странныя рѣчи, Г-нъ Докторъ! Вы шутите, когда я совсѣмъ не расположена шутить.

«Читали-ль вы, Г-нъ Докторъ, сочиненіе шалуна Аруэта: Examen important de Milord Bolingbroke, ou le tombeau du Fanatisme?» спросилъ Князь усмѣхаясь.

— Читалъ: мерзость, о которой не стоитъ труда говорить.—Разрѣшите-же, Княгиня, мой вопросъ?

«Въ нашъ вѣкъ, любезный Докторъ, не вѣрятъ и старинным чудесамъ, не только не видятъ ихъ вновь»—промолвила Княгиня, съ принужденною улыбкою.

— Но если-бы чудо сдѣлалось съ вашимъ сыномъ?—съ жаромъ возразилъ Докторъ.—Вы все еще молчите? Такъ оно уже сдѣлалось!—вскричалъ Докторъ, съ досадою поднявшись съ дивана — сдѣлалось: Ангелъ слетѣлъ съ неба. Умѣйте оцѣнить его, люди, кто-бы вы ни были, Князья или мужики! Великій Месмеръ! Друзья мои — вы Жюсьё, Бекманъ! для чего нѣтъ васъ здѣсь!

«А! я былъ у Делона, въ бытность мою въ Парижѣ, и видѣлъ его магнетическія ванны и гальваническіе кондукторы — это очень любопытно!»—сказалъ Князь.

— Вы смотрѣли безъ вѣры, а надобно не видѣть, но вѣрить: иначе чудесъ нѣтъ на свѣтѣ! Ради Бога, убольше меня отъ вашего Вольтера, Князь: для васъ довольно знать, что сынъ вашъ выздоровѣетъ. А вамъ, Княгиня, какъ матери, и мнѣ—какъ честному человѣку — надобно болѣе. Отъ васъ зависитъ спасеніе ва-

шего сына и того Ангела, который прилетѣлъ къ нему для его спасенія!

«Пожалѣю-ли я чего нибудь.»

— Не въ деньгахъ дѣло: не ихъ требуютъ! Явился лекарь, который лечитъ сына вашего своею душею, своимъ бытіемъ. Жизнь и смерть положены на вѣсы вашего рѣшенія. Если вы безусловно не отдадитесь довѣренности, если вы хоть мысленно воспротивитесь тому, что непостижимо для насъ, чего умъ нашъ не умѣетъ понимать — сынъ вашъ погибъ! Смерть — средины нѣтъ! Но, также вѣрно и совершенное его спасеніе, при согласіи и довѣріи вашемъ.

«Ахъ, Г-нъ Докторъ! сдѣлайте милость, поступайте, какъ вамъ угодно! Но, кто-же этотъ спаситель моего бѣднаго Поля?»

— Та Нѣмка, о которой управитель говорилъ вамъ.—Докторъ опять сѣлъ спокойно на диванъ.

«Она лекарка?»

— Лекарка! — Да, лекарка, если это вамъ угодно.

«C'est quelque chose d'empirique»—промолвилъ Князь невнимательно. «Впрочемъ, надобно испытать все. Только не опасно-ли лекарство?»

— Больше нежели опасно: оно ядъ самый сильнѣйшій, какой только существуетъ въ мірѣ! Сама лекарка подвергается опасности умереть и уморить больнаго въ одну минуту.

«Какъ-же вы хотите отдать моего сына такой шарлатанкѣ?» сказала Княгиня, съ неудовольствіемъ. «*Вы* взялись лечить его, и ваши знанія ручались за васъ....»

— *Лечить* взялся я, но не *вылечить*. Мои знанія—вздоръ, нелѣпость, дрянь! А она ручается вамъ своею жизнью... И какъ расположать вамъ это? Вѣрите-ли вы хоть чему нибудь, Княгиня?

«Боже мой!»

— Вѣрьте-же этой посланницѣ небесъ: она спасетъ вашего сына!

«Но изъясните ваши загадки?»

— Какъ будто это можно! Изъясните прежде загадку души человѣческой, изъясните тайну жизни нашей, изъясните земное бытіе наше. Изъяснить, когда самъ Месмеръ ничего не изъяснилъ!

«Стало быть, она магнетизёрка? Но вѣдь магнетизмъ, я слыхала, не опасенъ?»

— Вольно вамъ называть это магнетизмомъ

«Но что-же это такое?»

— Это леченіе души душею; это микстура изъ бытія, пластырь изъ сердца, порошки изъ жизни и смерти! Но что̀ тутъ много говорить! Пойдемъ-те къ вашему сыну. Вы увидите сами, и—тогда опровергайте.

« Теперь... Но, его состояніе....»

— Неужели и вы боитесь его?

Княгиня надвинула шаль на плеча и встала съ дивана. Молча пошелъ передъ нею Докторъ. Онъ и она вошли въ спальню молодаго Князя. Больной спалъ, закрытый платочкомъ Эммы. Боязливо подошла къ кровати его Княгиня. Здѣсь, когда она спала близъ одра скорби несчастнаго своего сына—въ ней исчезла свѣтская женщина: она была матерью; слезы потекли у нея изъ глазъ.

Докторъ снялъ платочекъ, положилъ руку на глаза больнаго, повелъ рукою по глазамъ—больной открылъ ихъ. « Встаньте—вамъ велѣли встать, если вы хотите видѣть *ее* »—сказалъ Докторъ.

Больной бодро поднялся съ постели. « Я ее вижу, » сказалъ онъ, какъ будто съ усиліемъ всматриваясь — « она теперь молится и думаетъ обо мнѣ.»

Тихій голосъ, кротость, какой не замѣчала Княгиня въ сынѣ своемъ, съ самаго начала его сумасшествія, такъ поразили ее, что она невольно вскричала: «Ахъ! вижу, вижу, что ему лучше—Боже мой! ему гораздо лучше!»

Больной вздрогнулъ, и такъ дико посмотрѣлъ на мать свою, что она содрогнулась и отступила невольно.

— Какая неосторожность!—шепнулъ ей Докторъ. Онъ обратился къ больному, и ласково сказалъ ему: «Вамъ не должно сердиться.»

—Кто это тебѣ говорилъ?— угрюмо отвѣчалъ больной.

— *Она* велѣла.

Больной мгновенно успокоился. «Да!» сказалъ онъ. «Но когда-же опять придетъ *она?*» продолжалъ онъ, водя рукою по лбу. — «Я чуть вижу ее; мнѣ такъ темно, темно!»

— Вамъ велѣли лечь и успокоиться. — Больной не сопротивлялся, легъ и закрылъ глаза. Докторъ опять накрылъ его платочкомъ Эммы.

Княгиня плакала. «Видѣли-ль вы, Княгиня?» громко сказалъ тогда Докторъ.

— Ахъ! тише—не тревожьте его!

«Не бойтесь. Теперь можетъ гремѣть громъ и его не разбудитъ: онъ очарованъ не-естественнымъ сномъ, пока его природа и сила выше его природы спорятъ между собою объ немъ. Видите-ли вы? Вѣрите-ли вы? Еще-ли надобны вамъ объясненія?»

— Вѣрю, хотъ ничего не постигаю. Но что́ должна я дѣлать? Повелѣвайте мною, Г-нъ Докторъ.

«Вы видите то, чего никто еще не понимаетъ. Люди назвали это *Животнымъ магнетизмомъ*. Великій Месмеръ первый угадалъ эту тайну *бытія всемірнаго*. Вашъ сынъ, полсутки тому назадъ, находился въ высшей степени безумія, но теперь совершается надъ нимъ таинственный процессъ магнетизма, и онъ въ самомъ опасномъ положеніи. Въ тоже время жизнью моею ручаюсь вамъ, что онъ выздоровѣетъ. Сядьте, Княгиня, и выслушайте.

«Какъ-бы это сказать вамъ? Самый высокій умъ человѣческій есть кротъ, выглядывающій изъ норы своей на вселенную. Но гдѣ человѣкъ сближается съ *универсальною* жизнію, тамъ онъ становится *весь міръ, вся вселенная*; кротъ, какъ часть цѣлаго, есть микрокозмъ макрокозма. Поелику для содержимаго въ содержащемъ пространство и время исчезаютъ, ибо изъ

не-Я они переходятъ въ его *Я*, то посему взоръ нашъ видитъ сквозь море, живетъ въ прошедшемъ, и *воля* человѣка непобѣдима, если только онъ обратитъ силу и волю свою на дѣйствіе, внутри и внѣ себя все равно, ибо тогда природа становится частію его самого, *субъектомъ* его *объекта*... Чувствую, что я говорю темно; но, позвольте (*)... Любили-ль вы, Княгиня? Вы молчите: вѣрно вы никогда не любили, не знаете любви, этого совершеннаго уничтоженія воли, не знаете субъективной жизни чужею жизнію. Жаль, жаль, что вамъ послѣ сего рѣшительно невозможно изъяснить закона, по которому человѣкъ духъ и тѣло, ангелъ и земля, великое и смѣшное, Кантъ и я, все и ничто. Вообразите однакожъ, что человѣкъ можетъ весь перейдти въ универсальную жизнь; что вся его воля можетъ устре-

---

(*) Можетъ быть, тоже скажутъ и читатели наши; но мы просимъ ихъ извинить насъ, ибо повторяемъ слово въ слово рѣчи Доктора, и не смѣемъ изъяснять того, что ему самому казалось темно *для другихъ*. Но что *самъ онъ* хорошо понималъ, все, что говорилъ, въ этомъ мы увѣрены и увѣряемъ нашихъ читателей.

мится на одинъ предметъ — что̀ когда противостанетъ ему? Ему-ли тогда не уничтожить собою болѣзни какой нибудь? Какое сомнѣніе! Что̀ такое болѣзнь? Побѣда *тѣла* надъ духомъ, отъ которой побѣдитель умираетъ. Этого побѣдителя вдругъ оковываетъ *духъ* другаго, переходитъ въ него, живетъ одною съ нимъ жизнью и даетъ ему жизнь свою. Можетъ-ли тѣло бороться съ этимъ страшнымъ противникомъ, для котораго нѣтъ ни времени, ни пространства, ни малаго, ни великаго, и который безсмертенъ жизнью за гробомъ, слѣдственно, безсмертенъ вѣчно, и не только *тамъ*, но и *здѣсь*: духъ Сократа живетъ въ насъ, хотя плоть Сократа давно умерла и истлѣла! Вы этого не понимаете, потому что, извините, Княгиня, вы не жили духомъ, ибо вы *не любили*, а кромѣ любви женщина ни въ чемъ не можетъ приблизиться къ универсальной жизни — для нея процессъ универсальности объективно совершается только въ любви; а во всѣхъ другихъ случаяхъ она живетъ субъективно....»

Видно было, что Доктору чрезвычайно казалось трудно объяснить все то, что онъ думалъ объяснить. Онъ усердно отиралъ потъ съ лица.

—Г-нъ Докторъ— сказала Княгиня— мы были знакомы въ Парижѣ съ послѣдователями Мес-

мера. Они дѣлали погда много шуму. Делонъ часто обѣдывалъ у насъ. Онъ такъ-же говаривалъ какъ вы; но — мы смѣялись надъ нимъ — признаюсь вамъ!

«И надо мной теперь смѣетесь, или не смѣете только смѣяпься? Но когда-же чернь не освистывала мудрости; когда поэзія не починалась сумасшествіемъ; когда любовь не казалась нарушеніемъ всѣхъ вашихъ приличій? Впрочемъ, теперь уже поздно раздумывать: сынъ вашъ не принадлежитъ ни себѣ, ни вамъ — онъ принадлежитъ тому существу, которое овладѣло его бытіемъ. Въ волѣ этого существа возвратить ему разумъ, сдѣлать его человѣкомъ. Если вы, если я вмѣшаемся — мы погубимъ его. Вы должны только повиноваться этому существу, владыкѣ вашего сына, что̀-бы оно ни приказало. Малѣйшее сопротивленіе — смерть!»

—Боже мой! Любезный Докторъ! я передаю вамъ полную волю.

«А когда онъ будетъ здоровъ; когда у васъ опять будетъ сынъ, а не сумасшедшее животное; когда обладающее имъ существо будетъ жить *одною душею* съ вашимъ сыномъ, погда, Княгиня, тогда что̀?»

—Пожалѣю-ли я чего нибудь для ея награды! Я готова осыпать ее золотомъ!

«Да, что̀ вы такъ дорого цѣните ваше золото?» возразилъ Докторъ. «Если потребуется болѣе нежели золото, если надобно будетъ жертвовать вашими предразсудками, вашею знатностью, если.... Постойте, Княгиня: клянусь Богомъ — если вы теперь скажете мнѣ: *нѣтъ*; если вы только задумаетесь на одно мгновеніе — я сорву этотъ платочекъ съ вашего сына: въ бѣшенствѣ встанетъ онъ, и вы первая будете жертвою его бѣшенства, и ни что уже не укротитъ его.... Онъ погибнетъ!»

Печально свѣтилъ погасавшій день сквозь шелковыя занавѣсы. Какъ мертвецъ лежалъ молодой Князь на своей кровати, неподвиженъ, едва дыша. Княгиня сложила руки и съ чувствомъ отчаянной матери сказала Доктору: «Спасите его! Чего-бы ни стоило, спасите его!» — Вашу руку Княгиня!— «Вотъ она!»—

— Совѣсть! довольна-ли ты? — проворчалъ Докторъ самому себѣ.

V.

Эмма сидѣла въ учебной комнатѣ, по утру, на другой день послѣ разговора между Княгинею и Докторомъ; молча, задумавшись, она вязала что-то. Дѣдушка ея сидѣлъ въ своихъ кре-

слахъ. Вдругъ щегольская карета осшановилась у ворошъ домика.

—Другъ мой— сказала бабушка Эммы, поспѣшно входя въ комнашу — другъ мой! Княжескій лакей прибѣжалъ спросишь у шебя: можешь-ли шы принящь Княгиню, кошорая желаешъ шебя видѣшь?

Эмма вспыхнула; дѣдушка съ безпокойсшвомъ вскочилъ съ креселъ и бросилъ шрубку. «Княгиня? Скажи, чшо я за честь почишаю — гдѣ она? Дайше мнѣ сюршукъ мой— приберише поскорѣе въ комнашѣ!»

Эмма поспѣшно подвинула къ спѣнѣ сполик, взяла книги, лежавшія на немъ, переложила ихъ на другой, и не знала, за что приняшься.

—Чшо-же сказашь лакею?

«Да, просишь, просишь!»

Карета въѣхала во дворъ, и пока дѣдушка надѣвалъ свой сюршукъ, бабушка Эммы въ дверяхъ встрѣчала Княгиню.

Просшо, но богашо одѣшая, съ ласковою улыбкою ошвѣчала Княгиня на неловкія привѣтсшвія спарушки. Явился дѣдушка, низко кланяясь. Бабушка предлагала чашку кофе. Эмма съ пренепомъ присѣла, и дрожала невольно, не смѣя глядѣшь на Княгиню.

—Не безпокойтесь, любезный сосѣдъ, не безпокойтесь, милая сосѣдка—сказала Княгиня.—Прошу васъ быть со мною безъ церемоній; прошу удостоить меня вашей дружбы, вашего знакомства.

Удивительно дѣйствіе богатства и знатности: имъ все пристало, все къ лицу, какъ молодой хорошенькой дѣвушкѣ! Княгиня успѣла очаровать старика и старушку своимъ входомъ и немногими словами. Свѣтское обращеніе, ловкость, нарядъ ея, экипажъ, кротость, ласковость— о! она могла приказывать имъ, не только просить ихъ.

—Но гдѣ-же милая ваша внучка? Ради Бога, дайте мнѣ расцѣловать, обнять ее! Познакомьте насъ. Это вы, милая?— сказала Княгиня, нѣжно цѣлуя Эмму.

Она посадила ее подлѣ себя на диванѣ. Робѣя, дрожа, съ раскраснѣвшимися щеками, Эмма едва дышала.

Какъ будто желая вывести ее изъ замѣшательства, Княгиня обратилась къ дѣдушкѣ, и, не выпуская изъ рукъ своихъ руку Эммы, сожалѣла, что давно не имѣла удовольствія узнать лично своихъ почтенныхъ сосѣдей.

—Ваше Сіятельство — отвѣчалъ дѣдушка — могли-ли мы ожидать такой чести, такой бла-

госклонности! Я еще долженъ благодарностью брату вашему, Его Высокопревосходительству (старикъ проговорилъ *чинъ*, *имя* и *фамилію*): онъ былъ Директоромъ нашего Департамента, и я имѣлъ честь служить подъ его милостивымъ начальствомъ.

—Когда-же это?—спросила съ участіемъ Княгиня, желая завести разговоръ. Старикъ началъ подробно разсказывать, а Княгиня внимательно оглядывала Эмму. Не смотря на умѣнье скрывать свои ощущенія, казалось, что она изумляется, разсматривая эту дѣвушку. Чему дивилась она? Тому-ли, что видѣла какое-то кроткое, доброе созданіе, робкое, несмѣлое, молоденькую *мѣщанку*? И эта дѣвушка-мѣщанка была спасительницею сына ея? И это созданіе было загадкою, которой не могъ изъяснить ей ученый Докторъ Нѣмецкій? Отъ этой дѣвушки зависѣла жизнь ея сына? Но чему-же дивиться? — А кто изъ васъ не дивится, видя вдохновеннаго поэта въ обществѣ людей, видя, что этотъ поэтъ какое-то робкое, несмѣлое, неловкое созданіе? Дѣти, дѣти! кто изъ насъ не воображаетъ себѣ, что великіе люди должны быть какіе-то исполины; кто изъ насъ не мѣряетъ величія души человѣческой саженями? За что-же мы смѣемся надъ дѣтьми, которые представляютъ

себѣ каждаго богатыря, о которомъ чипаютъ въ сказкахъ, ростомъ съ Ивана Великаго?

—Не могу-ли я быпь теперь чѣмъ нибудь вамъ полезною? — сказала Княгиня ласково.— Прошу приказывать мнѣ.

«Ваше Сіятельство!...

—Оставьте мое Сіятельство въ покоѣ, любезный сосѣдъ. Вы видите во мнѣ несчастную мать, и отъ васъ зависитъ теперь все мое счастіе, жизнь моя, жизнь моего бѣднаго сына. — Княгиня заплакала. Бабушка заплакала вмѣстѣ съ нею. Эмма поблѣднѣла и голова была также плакать.

«Ваше Сіятельство».... сказалъ дѣдушка заикаясь и не зная что отвѣчать.... «Если только— то я— прошу васъ»....

—Наградить за это я ничѣмъ не могу васъ, любезный сосѣдъ: награда ваша на небесахъ, а не на землѣ — если только радостныя слезы матери не дороже вамъ всякихъ наградъ въ мірѣ.

«Ваше званіе, ваша благосклонность...»

— Вы видите всю бѣдность знатнаго званія, всю ничтожность богатствъ, любезный сосѣдъ!

Отъ васъ зависитъ нынѣ участь всего нашего семейства.

«Возможно-ли, Ваше Сіятельство? Помилуйте..»

— Тутъ нечего толковать много, любезный сосѣдъ — сказалъ Докторъ, перебивая рѣчи старика. Докторъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Княгинею, но сидѣлъ молча и слушалъ, упершись зубами въ золотой набалдашникъ своей палки.— Тутъ нечего толковать. Вы должны согласиться, чтобы ваша внучка исцѣлила молодаго Князя — должны, если только вы человѣкъ, если только вы Христіанинъ, если только вы желаете себѣ царства Небеснаго.

«Ахъ! Господинъ Докторъ — Ваше Сіятельство! надобны-ли для меня подобныя убѣжденія? Если только добрая моя Эмма можетъ чѣмъ нибудь пособить вашему сыну...»

—Если только *хочетъ*, скажите лучше— возразилъ Докторъ.

«Вы спасете его? Вы захотите спасти его?» вскричала Княгиня, нѣжно схвативъ за плеча Эмму обѣими руками, и смотря ей въ глаза, сквозь слезы. «Милое созданіе! скажите мнѣ!

Крупныя слезы закапали изъ глазъ Эммы. Она склонила голову на грудь Княгини, и едва могла промолвить: «Располагайте мною, Ваше Сія-

тельство.» Крѣпко обняла ее Княгиня. Радостно улыбалась бабушка, смотря на Княгиню, обнимавшую Эмму; дѣдушка упиралъ глаза; Докторъ внимательно глядѣлъ на Ея Сіятельство, и, казалось, хотѣлъ прочитать въ ея душѣ всѣ ея тайныя чувства.

—Г-нъ Докторъ — сказала наконецъ Эмма, вырвавшись изъ рукъ Княгини— не ошибаетесь-ли вы? Клянусь вамъ Богомъ, что я совершенно не знаю, чѣмъ могу я пособить излеченію сына Ея Сіятельства!

«Дѣвушка!» вскричалъ Докторъ, схвативъ руку Эммы: «такъ-же робко говорила нѣкогда одна дѣвушка, тебѣ подобная, когда высокая тайна совершалась въ мірѣ. Душа невинности есть рай чудесъ высокихъ и непостижимыхъ. Горе вкусившему плодъ съ древа познанія! Не ему, нѣтъ! не ему западаетъ въ душу лучъ небесный. Только невинному, чистому, какъ младенцу, предоставлено уничтожать предвѣдѣнія мудрыхъ, и только въ невѣдущую душу нисходитъ благодать! О, великій Месмеръ! какую тайну узнаю я теперь!»— Онъ благословилъ Эмму, поднялъ глаза къ небу, и отвернулся утереть слезу.

—Милая Эмма! сказала Княгиня— отнынѣ вы будете моею дочерью!

Ярко загорѣлись опять щеки Эммы отъ этого слова. Она закрыла лицо руками, и тихо промолвила: «Пощадите меня, Ваше Сіятельство!»

Казалось, что теперь Княгиня съ восхищеніемъ смотрѣла на Эмму. И прелестна, очаровательна была Эмма въ эту минуту, необъяснима, какъ мигъ восторга, проста, какъ пѣсня Швейцарская, радостна, какъ вѣсть свободы узнику.

—Любезный сосѣдъ!— сказала Княгиня дѣдушкѣ— отнынѣ вы позволите мнѣ раздѣлить права ваши надъ вашею Эммою. Предъ лицемъ Бога, клянусь быть ей матерью! Послушайте-же теперь, послѣ моего обѣщанія, послѣ моей клятвы, и не пугайтесь: вы должны отпустить со мною мою милую Эмму.

Невольное: *ахъ*! вырвалось вдругъ изъ груди Эммы и изъ устъ ея бабушки. Самъ дѣдушка казался изумленнымъ. Предложеніе было такъ неожиданно. Эммѣ показалось, будто сердце оторвалось у нея; она поблѣднѣла.

—Завтра ѣдемъ мы въ нашу подмосковную деревню. Эмма поѣдешь со мною.

«Только въ деревню вашу?»

— Неужели вы согласитесь разстаться съ Эммою?— поспѣшно сказали бабушка. Молча,

но съ умоляющимъ взоромъ, оборотилась къ ней Княгиня.—Извините, Ваше Сіятельство—продолжала бабушка въ замѣшательствѣ — мы такъ привыкли къ нашей Эммѣ.... Впрочемъ, какъ угодно моему мужу....

«Мы можемъ примирить всѣ затрудненія,» возразила Княгиня. «Поѣдемте всѣ вмѣстѣ, любезный сосѣдъ! Мѣста достанетъ для всѣхъ насъ; деревня наша прелестная— у насъ тутъ немного: только пять сотъ душъ; но домъ пребольшой, садъ обширный — будетъ гдѣ помѣститься.»

Мысль: ѣхать къ Князю, къ этому знатному, богатому вельможѣ, быть въ его обществѣ, свѣтскомъ, блестящемъ, модномъ, разстаться съ своимъ домикомъ, разстроить порядокъ хозяйства, всѣ привычки, всѣ удобства, съ которыми свыкается старость? И почему не ѣхать одной Эммѣ? Все это пролетѣло въ головѣ старика въ одно мгновеніе.

— Но что я буду у васъ дѣлать?— сказала Эмма, робко.—Простите меня, Ваше Сіятельство, я вовсе не знаю никакихъ приличій большаго свѣта, даже никогда не живала въ чужомъ домѣ.

«Въ *чужомъ*, милый другъ! Развѣ вы будете въ чужомъ домѣ? Развѣ не заступлю я вамъ мѣста матери?»

— Ахъ, Ваше Сіятельство!— сказала Эмма, цѣлуя руку Княгини — я уже люблю васъ, какъ мать....

«Въ самомъ дѣлѣ, Ваше Сіятельство, наша Эмма вовсе не знаетъ большаго свѣта,» начала важнымъ голосомъ бабушка, думая, что нашла непобѣдимое средство оспорить требованіе Княгини.

— Оставьте вашъ большой свѣтъ — сказала Княгиня, съ легкимъ упрекомъ.—Можете-ли вы воображать домъ мой какимъ нибудь блестящимъ, большимъ свѣтомъ, домъ печали и скорби, гдѣ ваша Эмма будетъ звѣздою счастія и радости! О, Боже мой! неужели имя Княгини, неужели званіе моего мужа пугаетъ васъ?

«Но развѣ пребываніе Эммы съ вами необходимо?»

— Да, сосѣдъ!—сказалъ Докторъ.—Надобно, чтобы нашъ больной былъ безпрестанно съ нею вмѣстѣ, дышалъ однимъ съ нею воздухомъ, глядѣлъ ея глазами, говорилъ ея мыслью, думалъ ея умомъ.

Дѣдушка невольно улыбнулся. «Что-же изъ этого будетъ?» подумалъ онъ, самъ про себя.

Эмма не видала его улыбки. Опъ словъ Доктора у нея мелькнула совсѣмъ другая мысль. «Мечта моя! неужели ты сбываешься?»

Княгиня замѣтила, какъ улыбнулся дѣдушка. Можетъ быть, она поняла его мысль; по крайней мѣрѣ, она улыбнулась, будто говоря ему въ свой чередъ: «Оставимъ будущее судьбѣ, любезный сосѣдъ!»

Но Доктору показалась усмѣшка дѣдушки недовѣрчивостью къ его словамъ. «Сосѣдъ!» сказалъ онъ. «Неужели вы ничего не слыхали и не читали объ этомъ? Вамъ, какъ Нѣмцу, стыдно такое незнаніе. Завтра-же пришлю я къ вамъ сочиненія Гмелина и Бекмана.»

— Но вы говорили мнѣ, Докторъ—возразила Княгиня, усмѣхнувшись лукаво — что ни Месмеръ, ни Гмелинъ, и никто этого не понимаетъ.

«Вамъ угодно ловить меня на словахъ, Княгиня. Но между двумя вещами, которыя одинаково называются, можетъ быть разница неизмѣримая. Простолюдинъ говоритъ: *я ничего не знаю*; и Сократъ, объявленный отъ Оракуловъ мудрѣйшимъ изъ людей, говоритъ тоже. Что-жъ изъ этого? Простолюдинъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ ничего, а Сократъ знаетъ все то, чего онъ не знаетъ.... Какъ-бы изъяснить мнѣ это... Er weiss alles, was er nicht kennt....» Докторъ заговорилъ по-Нѣмецки съ дѣдушкою Эммы.

— Не позволите-ли, Ваше Сіятельство, чашку кофе—сказала бабушка—прошу васъ сѣсть; сядьте, отдохните, успокойтесь, Ваше Сіятельство!

«Охотно, милая сосѣдка. Позвольте мнѣ ближе познакомиться съ вами; увѣряю васъ, что вы найдете во мнѣ простую, добрую женщину.»

— Эмма! поди поскорѣе, милая, свари намъ кофе.

Эмма весело побѣжала,— «А мы поговоримъ между тѣмъ съ вами объ Эммѣ»—сказала Княгиня, усаживая подлѣ себя бабушку.

Докторъ съ жаромъ велъ между тѣмъ съ дѣдушкою разговоръ о сомнамбулизмѣ и магнетизмѣ, искусственномъ магнетизированіи, естественной поляризаціи и духовной эксценпризаціи. Общество этихъ людей казалось такимъ дружескимъ, веселымъ, радостнымъ. Княгиня расцѣловала братьевъ Эммы; послала своего лакея за фруктами въ свою богатую оранжерею. Бѣдняжки дѣти съ роду не видывали такихъ персиковъ, такихъ яблоковъ; имъ дали по цѣлому ананасу, и бабушка едва уговорила ихъ отдать спрятать ананасы сестрицѣ, и не ѣсть всего вдругъ. — Дружески разстались наконецъ сосѣди.

— Довольны-ли вы мной, Докторъ?—сказала Княгиня, когда сѣла съ нимъ въ карету. —Еще-ли станете вы говорить, что кто не любилъ, тотъ не зналъ ничего универсальнаго?

«Вы *мать*—я забылъ это»—сказалъ Докторъ, весело улыбаясь. Онъ досыта наговорился о Месмерѣ съ дѣдушкою Эммы, и былъ теперь чрезвычайно веселъ и доволенъ.

— Боже мой!—восклицала старушка, бабушка Эммы, проводивъ Княгиню и оставшись въ своемъ семействѣ—да, что за милая дама эта Княгиня! Совсѣмъ и не замѣтишь, что она знатная, что она сіятельная, что она богата.

Старикъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ, и курилъ трубку съ усиленнымъ удовольствіемъ, можетъ быть и отъ того, что проголодался, почитая неучтивостью курить при Княгинѣ, и не принимавшись за трубку свою во все время, пока была у нихъ сіятельная гостья. Видъ его выражалъ довольство простолюдина, который послѣ свиданія съ знатнымъ человѣкомъ, говоритъ самъ себѣ: кажется, я не одурачилъ себя въ глазахъ его?—На слова своей старушки, онъ отвѣчалъ односложными: Ja, ja! и пускалъ табакъ фигурными кружками, и вдругъ густою тучею, и потомъ тихонько, тоненькою, длинною змѣйкою. ... Эммы не было въ комнатѣ.

«Гдѣ-же наша Эмхенъ?» сказала наконецъ старушка, когда уже не находила болѣе словъ для похвалы Княгинѣ. Она пошла въ комнату Эммы, и увидѣла сквозь стеклянныя двери, что Эмма стоитъ на колѣняхъ и усердно молится. Съ наслажденіемъ смотрѣла старушка на Эмму, и думала, смотря на нее: «Судьба непостижимая! Можетъ быть, это будущая Княгиня С***?» Тайныя слова старушки показывали все, что поняла и придумала она, изъ всего, что видѣла и слышала. У старика дѣдушки бродили въ головѣ магнетизмъ и сомнамбулизмъ, поляризація и эксцентризація. Но Эмма? Думала-ли она о будущемъ своемъ княжествѣ. Ахъ! нѣтъ: она молилась; таково было первое движеніе Эммы, разспавшись съ Княгинею. Но о *комъ*, о *чемъ* молилась она, и *что* она думала?

VI.

Смѣшны люди, если они рѣшаются систематически отдавать себѣ отчетъ о самихъ себѣ и о другихъ! Забавны всѣ эти Философы и Историки, когда они хотятъ изъяснить каждую дробь мыслей и поступковъ человѣческихъ! Что такое Всеобщая Исторія? *Человѣкъ*, написанный Ролленемъ въ милльонѣ огромныхъ томовъ in-quarto. А жизнь человѣка отдѣльно взятая? Сокращеніе той-же Всеобщей Исторіи,

сдѣланное Шреккомъ для училищъ. И вообще говоря: походишъ-ли человѣкъ на логическій силлогизмъ въ своей жизни? Что-же такое мѣлкія дроби мыслей и думъ его! Тупъ система? Бѣдняки!

Но мысли, и думы, и вся жизнь дѣвушки, этого творенія, созданнаго въ минуты восторга первобытной поэтической жизни вселенной, этого творенія, очарованнаго и очаровательнаго, но безотчетнаго, какъ стихи юнаго поэта—въ нихъ-ли будемъ искать логической системы? Будто облака, вольно летаютъ мысли и думы по небу души дѣвичьей, освѣщаются улыбкою, темнѣютъ слезами, сверкаютъ чувствами....

Мы знали прежнюю Эмму до встрѣчи ея въ саду съ сумасшедшимъ Княземъ. Она высказала намъ всю свою душу въ разговорѣ съ Фанни: мы подслушали этотъ разговоръ. Когда, по возвращеніи съ дѣдушкою изъ сада, карета Княжеская умчала безумца; когда все происшествіе въ саду казалось Эммѣ какою-то мечтою, отъ которой ничего не осталось въ дѣйствительности; когда Эмма выслушала продолжительные разсказы старика старушкѣ, о томъ, что видѣлъ онъ въ саду, и когда ее самое заставили два раза пересказать обо всемъ этомъ, пересудили, переговорили—Эмма ниче-

го не понимала, что̀ это такое было... И еще болѣе: она даже не спрашивала у самой себя объ этомъ! Чувства ея были похожи на чувства человѣка, котораго невидимая сила вдругъ подняла высоко, близко къ солнцу; и вдругъ голова его закружилась — онъ упалъ въ какую-то бездну, полную непроницаемаго тумана. Онъ не знаетъ: *гдѣ* онъ, на небѣ-ли, на землѣ-ли, въ пропасти-ли какой; боится крѣпко спать ногами, чтобы не провалиться далѣе въ глубину; боится ощупать вокругъ себя руками, чтобы не схватить за голову какой нибудь змѣи, чтобы не протянуть руки своей въ пасть какого нибудь невидимаго чудовища; боится и взглянуть къ верху: что̀ если надъ головой его мракъ непроницаемый, или тяжкое, роковое рѣшеніе Судьбы нависло черною тучею? — Какъ естественно кажется мнѣ дѣйствіе дѣтей, когда они сжимаются ночью подъ своимъ одѣяльцемъ, и закрываютъ себѣ глаза руками, думая, что спаслись отъ привидѣній, если не видятъ ихъ! Не такъ-ли дѣлаемъ и всѣ мы, взрослые?

Но когда, послѣ обѣда, братья разсѣлись по угламъ и учили свои уроки, а дѣдушка и бабушка легли отдыхать, Эмма сѣла подлѣ окна, съ вязаньемъ. Нѣсколько минутъ она смотрѣла на небо, на улицу, опять на небо.... Наконецъ,

она никуда не смотрѣла, и стала думать — думать невольно, въ глубокой тишинѣ, окружавшей ее. Туманъ разсѣявался вокругъ нея; бездна исчезала; образъ несчастнаго молодаго человѣка, лежавшаго у ногъ ея въ садикѣ, означился теперь передъ нею, сквозь мракъ и туманъ. Вѣчный врагъ нашъ, Воображеніе — стало расцвѣчать его своими заколдованными красками. Забавны мнѣ старушки, маменьки и бабушки: онѣ не даютъ дочкамъ и внучкамъ своимъ читать романовъ, забывая, что душа дѣвушки есть сама по себѣ глава изъ романа, подъ которою подписываетъ Судьба, какъ Журналистъ: *продолженіе обѣщано!* Изъ всего, что было въ садикѣ, Эмма живо помнила только ту минуту, когда сквозь блѣдное, обезображенное болѣзнію лицо молодаго Князя, проглянулъ ей какой-то юношескій, милый образъ — и какой образъ? *Тотъ, тотъ* самый, который создавала себѣ Эмма въ неясныхъ мечтахъ, образъ, которому она давала жизнь и бытіе, и счастіе жизни и прелесть бытія! Все остальное исчезало передъ нею — и ужасъ событія въ садикѣ, и безуміе Князя, и Князь: совсѣмъ не приходило въ голову Эммѣ, что это *былъ Князь* — и то-ли еще? Исчезала вся природа, и всѣ люди: одинъ *онъ*, неизвѣстный и знакомый душѣ, лежалъ у ногъ ея, и говорилъ ей: *мнѣ такъ хорошо!* Милльоны людей, будто пылинки

въ тучахъ пыли и тумана, толпились вокругъ него и Эммы, и всѣ они были *имъ* чужды: изъ милльоновъ только *одинъ* принадлежалъ Эммѣ, молилъ спасти его, оживить, воскресить. Сердце Эммы такъ сильно билось! — Вдругъ страшный ударъ грома раздался въ ушахъ ея— она испугалась, взглянула въ окно: небосклонъ облекала черная туча, и огненною змѣею раздирала молнія нѣдра этой тучи; крупный дождь шумѣлъ, и окошко, растворенное Эммою, хлопало. Эмма совсѣмъ не замѣтила, какъ подкрались на небо тучи, какъ собралась гроза и зашумѣла буря. Она спѣшила запереть окно и ободрить испугавшихся братьевъ. Но, Боже мой! Ей казалось теперь, что мечта ея сливалась какимъ-то непонятнымъ образомъ съ дѣйствительностью; она слышала, видѣла грозу, и не понимала еще: въ самомъ-ли дѣлѣ на яву гремятъ эти громы, или только гремятъ они въ ея душѣ? «Эмма! ты забыла, что обѣщалась молиться за него, молиться о томъ, чтобы онъ выздоровѣлъ! А что-же ты дѣлала, Эмма — молилась-ли ты о немъ? Ты безумствовала; ты преображала его въ какую-то странную мечту.... Эмма! ты согрѣшила; и Богъ напоминаетъ тебѣ громомъ небеснымъ о грѣхѣ твоемъ.—Создатель! прости меня!»

Эмма стала на колѣни, но не знала, какъ ей молиться, какъ провести челнокъ успокое-

нія молитвою по волнамъ души своей, въ первый разъ въ жизни вздымавшимся грозными, непримиримыми валами....

— Ты видно очень испугалась грозы, Эмма! Прежде ты никогда не баивалась грома—сказала бабушка, входя въ комнату. Грозы душевныя были неизвѣстны старушкѣ; и въ душѣ-ли Эммы, своей кроткой, тихой Эммы вздумалабы она замѣчать ихъ!

Въ первый разъ въ жизни, Эмма скрыла тайную думу свою отъ доброй бабушки, изумленная тѣмъ, что гроза уже пролетѣла, и солнце опять ярко свѣтило на небѣ, и что этого перехода отъ бури къ солнцу она такъ-же не примѣтила, какъ прежде не примѣтила грозныхъ тучь, застлавшихъ свѣтлое солнце. Въ первый разъ Эмма не пошла вечеромъ полюбоваться цвѣтами въ садикѣ своемъ. Ей хотѣлосьбы теперь говорить съ Фанни, и ни съ кѣмъ болѣе не говорить ничего. Она занялась ученьемъ братьевъ, и такъ прилежно, и такъ долго учила ихъ, что они стали жаловаться бабушкѣ. Насталъ вечеръ; Эмма сѣла разыгрывать Гуммелевъ концертъ, и играла опять такъ долго, что бабушка принуждена была два раза напомнить ей объ ужинѣ. Когда надобно было идти въ свою комнату, остановься въ ней

одной — Эмма ужаснулась пустоты и одиночества; ей казалось, что изъ каждаго темнаго уголка глядятъ на нее какіе-то безумные глаза; изъ-за каждой двери слышится какой-то хриплый голосъ: «Эмма! я твой, но и ты моя!» — Со страхомъ бросилась она въ свою постелю. Тяжелый сонъ налегъ на грудь ея привидѣніями, и глушилъ ее воплями, звукомъ цѣпей, гробовымъ пѣніемъ. *Онъ* былъ мертвый, лежалъ неподвижно; передъ нимъ догорала свѣча, въ высокомъ гробовомъ подсвѣчникѣ. «Эмма!» сказалъ онъ, вдругъ поднявшись — «когда догоритъ эта свѣча—ты умрешь!» Свѣча горитъ, горитъ, догораетъ, догораетъ, едва свѣтитъ; Эмма поспѣшно поправляетъ свѣтильню, но свѣтильня кончается, кончается—догорѣла— еще разъ вспыхнула, потухла— мракъ повсюду — какой-то голосъ запѣлъ похоронную пѣсню, и глаза мертвеца открылись, засверкали, окостенѣлыя руки его пошянулись — онъ говоритъ насмѣшливымъ голосомъ: «Сюда, Эмма, сюда!»— Эмма вздрогнула и пробудилась..... Востокъ алѣлъ утреннею зарею, и Эмма чувствовала дрожь и холодный потъ по всему тѣлу. «Не оставь меня, Боже великій!» прошептала она, и вмѣсто утренней молитвы, читала: Du bist mein Vater, ich dein Kind: mein Heil ist, dich zu lieben!

Январь 1831. 18

Блѣдная и задумчивая сидѣла Эмма за работою своею, когда не мечты, но дѣйствительность жизни явилась передъ нею въ видѣ Княгини С***.—Все, что говорили попомъ Княгиня, дѣдушка, бабушка, Докторъ, все, что говорила сама Эмма, пролетало мимо души ея. Но когда Докторъ сказалъ, что молодому Князю надобно быть вмѣстѣ съ Эммою, дышать однимъ съ нею воздухомъ, глядѣть ея глазами, говорить ея мыслью, думать ея умомъ—«*Мечта моя! неужели ты сбываешься?* невольно спросила Эмма у самой себя.

«И такъ, это не будетъ уже мечта? Но, какъ-же встрѣтимся мы опять съ тобою, мой безумецъ? Какъ станешь ты оживать моею жизнію, сумасшедшій?» думала Эмма, и не смѣла спрашивать, когда и какимъ образомъ отправится она съ Княгинею, хотя и знала, что дѣдушка и бабушка согласились на ея отъѣздъ въ подмосковную Княжескую. Прилежно, ревностно занималась она хозяйствомъ, какъ будто ей совсѣмъ не надобно было собираться въ дорогу. Бабушка скрывала отъ нея всѣ небольшія, дорожныя приготовленія; тихонько увязали ея бѣлье, сложили ея платья; старушка сама не хотѣла говорить Эммѣ о разлукѣ съ нею до самаго часа разлуки. Развѣ не радуется человѣкъ даже отсрочкѣ казни, хотя

участь его уже опредѣлена бываетъ въ эномъ случаѣ неизбѣжно? И кто изъ насъ не былъ доволенъ, когда на день опсрочивалъ опъѣздъ свой милый намъ человѣкъ? и кто изъ насъ напоминалъ ему попомъ, что время ѣхать?

Съ изумленіемъ увидѣла Эмма, на другой день упромъ, экипажъ Княжескій, подъѣхавшій къ крыльцу. Неожиданно бабушка велѣла ей поскорѣе одѣваться. Только Докторъ вошелъ въ комнату. Княгиня оставалась въ каретѣ. «Милая Эмма! ты ѣдешь на счастье!» сказалъ дѣдушка, и горько заплакалъ, когда Эмма въ одну минуту была готова, надѣла свою шинельку и бросилась къ нему въ объятія— *проститься*!

Страшное слово! Кто первый замѣнилъ тобою милое: *до свиданья*, тотъ, кто первый сказалъ тебя, тотъ зналъ ужасъ разлуки, разлуки вѣчной! Не ты-ли, прамаціерь наша, сказала первая это страшное слово, въ то время, когда передъ тобою простертъ былъ безчувственный трупъ Авеля!

Въ бричку, въѣхавшую во дворъ, вмѣстѣ съ каретою, отправляла бабушка картончики и узелки Эммы, и слезы текли между пѣмъ изъ глазъ ея. На крыльцѣ стояли кухарка и дворникъ. «Проспите, барышня!» говорили они, и плакали, цѣлуя руку Эммы. А братья ея? О ми-

лыя связи семейственныя, простыя ощущенія любви родственной, тишина безвѣстнаго бытія! зачѣмъ мѣняетъ васъ человѣкъ на бурныя страсти, на бѣшеныя впечатлѣнія, на шумный, безвѣстный ему, обольстительный свѣтъ?—Чье сердце не бьется сильнѣе и послѣ двадцатилѣтней стужи лѣтъ и печалей, вспоминая ту минуту, когда одинъ шагъ въ кибитку, карету, тѣлегу — все равно — долженъ былъ отдѣлить насъ отъ всего прежняго, чѣмъ мы жили, съ чѣмъ мы сжились сердцемъ; и когда на крыльцѣ стояла, провожая насъ, добрая мать, скрывающая свои слезы; и подлѣ нея видна была сѣдая голова старика отца, и просныя печальныя лица служителей, и бѣленькія головки братьевъ, сестеръ, съ заплаканными глазами! — Не сжимайся такъ тяжело, сердце мое: это было такъ давно.... это такъ давно прошло, пролетѣло... Тѣхъ, кто провожалъ меня, давно нѣтъ на свѣтѣ...

Дверцы кареты отхлопнулись. На задней лавкѣ сидѣла Княгиня; противъ нея сидѣлъ молодой Князь, сынъ ея; онъ былъ закутанъ въ шинель свою, и яркіе глаза его сверкали изъ подъ дорожнаго картуза. Карета была четырехъмѣстная, великолѣпная; кучеръ и форрейторъ едва удерживали шестерню борзыхъ коней, впряженныхъ въ нее.

Докторъ говорилъ что-то съ дѣдушкою, пока Эмма цѣловала своихъ братьевъ. «Какъ землякъ, честный Германецъ и честный человѣкъ!» громко произнесъ наконецъ Докторъ, крѣпко пожимая руку старика. Онъ взялъ потомъ Эмму за руку, и повелъ ее къ подножкамъ кареты, пока Княгиня ласково кланялась дѣдушкѣ и бабушкѣ. Старикъ и старушка перестали плакать и усердно откланивались. Эмма не плакала, даже казалась веселою; но когда ступила она на нижнюю ступеньку каретныхъ подножекъ —вдругъ затрепетала она, будто кто-то дернулъ ее сзади, будто кто-то удерживалъ ее, и шепталъ ей: Эмма, остановись!— Лицо ея поблѣднѣло; едва не сдѣлалось ей дурно. Она чувствовала неизъяснимое отвращеніе ступить еще шагъ далѣе....

—Идите, моя милая, моя добрая Эмма!— сказала Княгиня, со слезами на глазахъ, подавая ей руку— идите— намъ пора ѣхать!

«Пожалуйте, сударыня»— говорилъ Докторъ.

Эмма вошла въ карету. Докторъ сѣлъ противъ нея, подлѣ молодаго Князя. Въ послѣдній разъ взглянула Эмма на людей, столь милыхъ ея сердцу, неразлучныхъ съ нею до того времени. Дверцы захлопнули; стукъ экипажа заглушилъ голоса, и карета быстро понеслась по Московскимъ улицамъ.

Эмма робѣла? Нѣтъ! она не оробѣла отъ блестящихъ глазъ безумца, прямо на нее устремленныхъ — чего-же было еще робѣть ей? Или то, что сдавило сердце ея, когда она входила въ карету, было мрачное предчувствіе будущаго? Но что-же такое страшное видѣла вокругъ себя Эмма? Ласковую, добрую Княгиню, страннаго весельчака Доктора. Сумасшедшій сидѣлъ молча, неподвижно, не раскрывая своей шинели, не снимая своего картуза; уподоблялся статуѣ, пока Эмма не взглянула на него: взглядъ Эммы обратился на него, и онъ поспѣшно надвинулъ картузъ свой на глаза, закрылъ лицо своею шинелью. Эмма поглядѣла на Доктора, какъ будто спрашивая: что это значитъ? «Не замѣчайте его,» сказалъ ей Докторъ по-Нѣмецки, и началъ общій разговоръ съ Княгинею. Княгиня казалась распроганною, обняла, поцѣловала Эмму, взяла ее руку, долго держала руку ея въ своей, пожимая дружески, нѣжно, и между тѣмъ вела разговоръ съ Докторомъ. Эмма молчала.

Она имѣла теперь досугъ осмотрѣться кругомъ и углубиться въ самое себя. Но душа ея показалась ей какимъ-то хаосомъ безпорядочныхъ, безотчетныхъ мыслей; Эмма не захотѣла смотрѣть въ нее, какъ раззоряющійся богачъ не смотритъ на счеты, подносимые дворецкимъ.

Тѣмъ внимательнѣе глядѣла Эмма кругомъ се-

бя. Какъ зашла ты сюда, Эмма? Какая непостижимая сила вырвала тебя, сколь быстро и нежданно, изъ мирной семьи твоей, и бросила сюда, въ это странное общество, чужее, чуждое? Что за великолѣпіе тебя окружаетъ: бархатъ, золото, блескъ! И что-же въ этомъ великолѣпіи? Сумасшествіе, принужденный разговоръ, печальная мать, наемникъ, который взялся лечить ея безумнаго сына! Такъ-ли было въ твоей тихой семьѣ, безъ золота и блеска, но при ласковой рѣчи бабушки, при улыбкѣ старика дѣдушки, рѣзвой веселости братьевъ, простотѣ подругъ? Эмма! какъ зашла ты сюда!— Робость овладѣла Эммою; она прижалась въ уголокъ, чувствуя, что все уничтожаетъ ее— да, уничтожаетъ! Не смотря на ласковость Княгини, на ея стараніе не дать замѣтить Эммѣ превышающаго состоянія и образованія свѣтскаго, Эмма ясно видѣла это: самая одежда Княгини, дорожная, простая, но богатая, брилльянтъ на рукѣ ея, множество ничтожныхъ, но дорогихъ бездѣлицъ, какими бываетъ окружена свѣтская дама, все это видѣла и замѣтила Эмма, соображая свою одежду, свою опрятную, но бѣдную шинельку, свою красивую, но простую соломенную шляпку. Эмма чувствовала, что никому не уступитъ въ силѣ души, силѣ чувства — можетъ быть и умѣ; но ловкость, оборотъ разговора Княгини — ахъ! ея каждое

слово, и эта невнимательность, съ какою Княгиня смотрѣла на все великолѣпіе, холодность, съ какою говорила она о дорогомъ, важномъ, сильномъ, обо всемъ, что прежде казалось Эммѣ столь великимъ и значительнымъ, все показывало Эммѣ бездну, раздѣлявшую ея состояніе и образованіе отъ состоянія и образованія людей, съ которыми такъ нежданно столкнула ее судьба!

Какую Философію, какую твердость духа и опытность надобно имѣть, чтобы свое самобытное *я*, свое внутреннее превосходство поставить безъ робости противъ прилагательнаго блеска большаго свѣта, и твердо глядѣть въ безчувственные глаза этому чудовищу, называемому Большимъ свѣтомъ!

Когда послѣ трехъ часовъ скорой ѣзды, карета въѣхала въ огромныя ворота обширнаго помѣстья Княжескаго, и передъ Эммою открылся величественный фасадъ каменнаго Княжескаго дома, сады его, пруды, безконечные парки; когда потомъ, смущенная, робкая, пошла она по мраморной лѣстницѣ, мимо огромныхъ канделабровъ и статуй; когда слуги засуетились, растворили двери въ безконечный рядъ старинныхъ залъ и гостиныхъ— Эмма потерялась совершенно. Эти стѣны, покрытыя штофомъ и бархатомъ, мраморъ, бронза, ковры, картины,

золото, серебро, до потолковъ зеркала и темныя до полу окна, тысячи изобрѣтеній роскоши, которыхъ Эмма вовсе не знала употребленія; наконецъ явленіе угрюмаго старика, Князя С***— и толпа слугъ и служанокъ, и самая тишина и почтительность, съ какою всѣ ходили по этимъ заламъ и комнатамъ, все это дѣлало Эмму какою-то простою, бѣдною дѣвочкою, которую изъ милости взяла къ себѣ Княгиня, подивишься, посмотрѣть на все великолѣпіе, и потомъ слышать убійственныя слова: «Видишь-ли, Эмма, всю разницу между нами и тобою?» — Но этого не было. Дружески и мило обняла Княгиня Эмму, и нѣжно осмѣлилась прижаться къ ней Эмма, и сердце ея отдохнуло, когда Княгиня повела ее послѣ сего по дому, и показала ей нѣсколько богатыхъ комнатъ, говоря: «Вотъ ваши комнаты, милая Эмма! Будьте здѣсь полною хозяйкою.« Княгиня пошла къ себѣ. Эмма осталась одна, оглянулась кругомъ, и готова была воскликнуть, смотря на огромность и великолѣпіе комнатъ, и на удалявшуюся Княгиню: «Я здѣсь одна, я здѣсь чужая — перенесите, перенесите меня опять подъ родную, знакомую мнѣ кровлю смиреннаго убѣжища моего дѣтства!»

Щегольски одѣтыя, красивыя служанки окружили Эмму. Ей казалось, что каждая изъ нихъ

смотритъ на нее съ удивленіемъ, что каждая превосходитъ ее привычкою ко всему, что изумляло ее. Почтительно стояли эти служанки, ожидая приказаній, но Эмма не привыкла *приказывать.*— «Мнѣ ничего не надобно, мои милыя,» сказала она, сама поспѣшно снимая свою шляпку. Служанки поглядѣли одна на другую. Это заставило Эмму покраснѣть. «*Онѣ* видятъ твою неловкость; что-же увидятъ въ тебѣ другіе?» — Замѣшательство Эммы прервано было приходомъ служителя, который важно произнесъ: «Сударыня! Ея Сіятельство приказала васъ просить къ себѣ.»— Эмма спѣшила къ Княгинѣ.

(До слѣдующей книжки).

ПОВѢРКА ЗАМѢЧАНІЙ О. ІАКИНѲА

НА IV-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА.

(Окончаніе.)

VIII. *Однажды былъ онъ (Темудзинъ) полоненъ Яргутаемъ, Ханомъ племени Тайгутовъ* (И. Р. Н. ш. IV, стр. 40). *Въ другой разъ захватило Темудзина въ полонъ племя Меркитовъ* (И. Р. Н. ш. IV, стр. 41). Снова повторяете вы, почтенный О. Іакинѳъ, слова мои: «*Здѣсь существовало оно (поколѣніе* Монголовъ) *съ тремя другими родичами:* Ташарами, Тайгутами *и* Кэрэ (Исш. Р. Н. ш. IV, стр. 37), и начинаете снова преслѣдовать бѣдную эшу фразу, вмѣстѣ съ другими.

«Замѣчательно, что Г-нъ Полевой, въ IV-мъ
«томѣ своей И. Р. Н., однажды только упомянулъ
«о послѣднихъ четырехъ поколѣніяхъ; напротивъ,
«часто встрѣчаются у него названія: *Тайджутъ и*
«*Керанитъ*. Надлежало-бы Г-ну Полевому пояснить,
«что *Тайгутъ* и *Кэрэ* суть правильныя Мон-
«гольскія названія двухъ поколѣній, превращен-
«ныхъ Турецкими Историками въ *Тайджутъ*
«и *Керанитъ*. Иначе читатели легко могутъ при-
«нимать слова: *Тайгутъ* и *Тайджутъ*, *Кэрэ* и

«*Керантъ* за названіе четырехъ разныхъ поколѣ-
«ній. Такое замѣчаніе шѣмъ кажется нужнѣе, что
«при разноименности одной и той-же вещи, при
«чтеніи книги всегда бываешь въ недоумѣніи.»

Вы правы, О. Іакинѳъ: мнѣ надобно-бъ было писать: *Тайгутъ* или *Тайджутъ*, однообразно. Впрочемъ, выше сего, опровергая ваше замѣчаніе V-е, я замѣтилъ уже, что имя *Тайгутъ*, на стр. 38-й IV-го ш. И. Р. Н., есть опечатка, и должно читать: *Тайджутъ*. Что касается до *Керантовъ*, то здѣсь позвольте мнѣ маленькое объясненіе. Я упомянулъ о четырехъ *первоначальныхъ* племенахъ Татаньскихъ. Но отъ начала ихъ до Темудзина прошло много лѣтъ, и въ сіи годы сдѣлалось много разныхъ перемѣнъ. *Керантское* государство составилось изъ множества Азіятскихъ племенъ, въ числѣ коихъ было вмѣшано и древнее поколѣніе *Кэрэ*. Согласенъ съ вами, что оно могло дать первобытное названіе *Керантамъ*; но *его*-ли должно разумѣть говоря о владѣніяхъ *Оангъ Хана* (или *Ванъ-Хана*, какъ вы пишете)? Сомнѣваюсь, ибо Оангъ-Ханъ владѣлъ поколѣніями: *Чиркирь*, *Тунгкантъ*, *Тумаутъ*, *Эліатъ* и *Кэрэ*, или *Керантъ*, и уже предокъ его Маркузъ-Буйрукъ былъ сильный государь, когда другія племена Татана, т. е. *Монголы*, *Татары* и *Тайджуты* были ничтожны и гибли въ мѣлкихъ междоусобіяхъ. Все это надобно было мнѣ пояснить, хотъ въ примѣчаніяхъ; но я потому умолчалъ, что это дѣло совсѣмъ постороннее для Исторіи Чингисъ-Хана, который и самъ въ свою очередь, не смотря на огромность

свою, составляетъ только эпизодъ въ Исторіи Русскаго народа. Если-бы мнѣ должно было подробно объяснять все, о чемъ я упоминалъ мимоходомъ, то иной потребовалъ-бы отъ меня родословной Папъ; другой списка всѣхъ потомковъ Чингиса; третій списка всѣхъ маленькихъ поколѣній Таганьскихъ, дракъ ихъ, перемѣнъ, переселеній— и всему этому не было-бы конца!

«Поколѣніе Меркитовъ» — говорите вы въ заключеніе — «правильно называется на Монгольскомъ языкѣ *Моркисъ*, или *Морхисъ*.»

О названіяхъ послѣ. Впрочемъ, если вамъ угодно, вотъ и *четвертое* имя Меркитовъ—*Маркеттъ*. Его можете найдти у Абулгази, ч. III, глава VI.

IX. Юрта, *Монгольское названіе шалаша, или кочевой кибитки; собраніе юртъ называлось* Орда *(или* Орду*).* Юрта *принималась въ значеніи собственной земли Хана, и въ противоположность тому, окрестныя земли подвластныхъ, и сами подвластные, именовались:* Улусъ (И. Р. Н. ш. IV, стр. 46).

«*Юрта* есть испорченное Монгольское слово: «*уртэгэ*, сокращенно выговариваемое: *уртэ*, что «значитъ: *почтовая станція*. Рускіе превратили «сіе слово въ *юрту*, и несправедливо разумѣютъ «подъ онымъ круглый войлочный шалашъ, въ ка«ковыхъ обыкновенно живутъ кочевые. Сей шалашъ «по-Монгольски называется: *гыръ*.»

Можетъ быть, все это такъ *теперь;* но въ древ-

нія времена, вѣроятно, *юрта* значило жилище, *шалашъ*, ибо въ семъ значеніи это слово употребляется у Якутовъ и другихъ Азійскихъ народовъ. Такъ переняли его и Рускіе; когда для означенія *почтовой станціи*, они взяли у Монголовъ другое слово, именно: *ямъ*, отъ чего произошло названіе *ямщика*. Если-бы слово: *юртъ*, означало древле почтовую станцію, съ чего взяли-бы Рускіе говорить и писать о мѣстопребываніяхъ Хановъ: *юртъ?* Приведу примѣры: Кошъ-Магметъ, Ханъ Ногайскій, писалъ къ Іоанну: «Мы посылаемъ въ Астрахань, къ Темиръ-Кутлуеву Цареву *юрту* пословъ.... На Бараковѣ Царевѣ Казанскомъ *юртѣ* ходили есмо, а нынѣ опять на свой *юртъ* пришли есмя» (*Прод. Вивліовики*, ш. VIII, стр, 45, 47).

«*Орда*, правильно: *ордо*, а не *орду*, означаетъ «дворецъ, или резиденцію Хана, а не *собраніе* «*юртъ*. Юрша-же никогда не принимается въ зна- «ченіи собственныхъ земель Хана. Въ Монголіи «собственные удѣлы Хановъ, и прочихъ владѣ- «тельныхъ Князей, называются *айманъ*, а *улусъ* «значитъ государство.»

Такъ говорите *вы*, О. Іакинѳъ; но вотъ, что говоритъ Оссонъ (Hist. des Mongols, ч. I, стр. 59): «On appelle *ordou*, la *réunion des pavillons, tentes et huttes* qui forme l'habitation ordinaire d'un prince et de ses femmes, *ainsi que des personnes attachées à leur service*; de ce nom est venu celui de *horde*, dont la signification est différente. *La multitude d'hommes qui obéit à un souverain tatare*, s'appelle son *oulouss*, c'est-à-dire son

peuple, et *le territoire particulier* d'un prince, d'un chef de tribu, d'un chef de famille, se nomme son *yourte*.»

Вы возразите, что Оссонъ лжетъ; что намъ не надобно этого свидѣтельства изъ Парижа, а лучше спросить у нынѣшнихъ варваровъ, обитающихъ въ Монголіи. Но къ нимъ далеко ѣхать, и, по крайней мѣрѣ, слова Оссона докажутъ вамъ, что я не выдумывалъ того, что говорилъ о *юртѣ*, *ордѣ* и *улусѣ*. Скажу вамъ еще, что у предковъ нашихъ слово: *Улусъ*, принималось въ значеніи земли, подвластной Хану, въ противоположность *Юрту*, собственной его землѣ. — Но, зачѣмъ далеко ходить: въ вашихъ *Запискахъ о Монголіи* (ч. II, стр. 188), вы говорите, что слово: *Ордо*, кромѣ дворца, значитъ еще *Ханское становище*, и что подъ словомъ: *Ордо*, или *Уртэ*, Монголы разумѣютъ *стойбища*. Кстати замѣтишь, что въ этомъ мѣстѣ *Записокъ о Монголіи*, вы называете шаперъ, или палашку — *гыръ*, а не *гыръ*, какъ напечатано въ *Молвѣ*.

X. Слѣдующаго за симъ замѣчанія не почитаю нужнымъ выписывать, ибо я говорю о томъ, что по всѣмъ вѣроятностямъ употребленіе пороха и огнестрѣльныхъ оружій было извѣстно Монголамъ. Вы подтверждаете мое мнѣніе, присовокупляя, что «остается изслѣдовать: не въ Индіи-ли первоначально открыто употребленіе огнестрѣльныхъ орудій?» И такъ, мы согласны между собою.

XI. *Нерѣдко, приходя въ какую либо страну, Монголы спрашивали*: какая это земля? *За тѣмъ слѣдовалъ вопросъ*: Знаетъ-ли она великаго Чингисъ-

Хана? Покоришесь ему, или мы сами не вѣдаемъ, что съ вами будетъ — единому Богу сіе извѣстно (И. Р. Н. ш. IV, стр. 51).

«Сія краснорѣчивая выходка въ Папскомъ Послан-«никѣ XIII-го вѣка, или въ какомъ либо Мугам-«меданскомъ Историкѣ еще сносна, а Европейско-«му писателю XIX-го вѣка непростительна. Уже-«ли народы того времени не имѣли никакихъ свя-«зей съ своими сосѣдями, и вовсе не знали, кто «живетъ за пограничною чертою земель ихъ? Подъ «симъ только условіемъ можно допустить, что «Чингисъ-Хановы полководцы вели свои ополченія «на угадъ, сами не зная, гдѣ находятся и куда «идутъ.»

Именно, почтенный О. Іакинѳъ, Древніе и Средніе вѣка представляютъ намъ шакія странныя явленія народовъ, невѣдомо ошкуда вышедшихъ, невѣдомо куда идущихъ! Монголы, шакъ какъ прежде ихъ народы подвластные Аттилѣ и Бояну, и потомъ Тамерлану, знали своихъ сосѣдей, и конечно лучше меня и васъ могли исполковать: кто шакіе были *Уйгуры, Кераиты*; но двинутые обстоятельствами и геніемъ государей своихъ, они вовсе не понимали: куда идутъ и съ кѣмъ сражаются, когда съ береговъ Онона и Сыръ-Дарьи дошли на берега Инда, Ганга, Волги, Москвы, Клязьмы, Вислы, Дуная, Одера? Тамъ появлялись они, подобно шучѣ саранчи, истребляли, уходили, селились, ошдѣлялись. Доказательство словъ моихъ можете найдти въ Кишайскихъ, Турецкихъ, Русскихъ, Западныхъ Лѣтописяхъ шѣхъ временъ. Какъ часто Монголы,

не зная дороги, не зная страны, заходили въ ущелья горъ и непроходимыя стени, гдѣ только удача, или изумительное мужество спасали ихъ. Посмотрите на походъ Монголовъ въ Русь послѣ Калкской бишвы: это совершенная прогулка по невѣдомымъ землямъ! Башый шелъ просто на *Западъ*, и уже конечно самъ не зналъ куда идетъ, ибо и Рускіе, не только западные Европейцы, вовсе не слыхивали до того времени о Татарахъ, или Монголахъ, и съ ужасомъ говорили: «Придоша языцы незнаемы, отъ странъ невѣдомыхъ, ихъ-же добрѣ никто не вѣсть кто сушь, и откол҃ѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени сушь, и что вѣра ихъ; зовутъ я Ташары, а инїи глаголютъ Торки, а друзіи Печенѣзи; Богъ единъ вѣсть кто сушь и откол҃ѣ изыдоша.» Сообразите извѣстія Китайскія и Турецкія о завоеваніяхъ Монголовъ; прочтите письма Монголовъ къ Европейскимъ Государямъ, и вы убѣдитесь, что слова мои о покореніи Монголами странъ, доколѣ вовсе имъ невѣдомыхъ, и о томъ, какъ они къ сему приступали, совсѣмъ не пустая выдумка, но *Историческая характеристика* событій ужаснаго XIII-го вѣка, и что приведенныя мною слова Монголовъ были почти оффиціяльною формулою у сихъ варваровъ.

XII. *Вторгнувшись въ Тангутское царство, въ* 1206-*мъ году, Темудзинъ принялъ названіе* Чингисъ-Хана (Исш. Р. Н. ш. IV, стр. 56, а не 58-я, какъ сказано въ *Молвѣ*).

«Читатель по симъ словамъ вѣрно заключитъ, «что Темудзинъ въ бытность свою въ Тангутѣ

«принялъ титулъ Хана. Совсѣмъ напротивъ: Те-
«мудзинъ ходилъ съ своимъ войскомъ въ Тангутъ
«въ 1205-мъ году, и въ семъ-же году возвратился
«на свою родину. Уже въ слѣдующемъ году онъ со-
«бралъ Князей при вершинахъ Онона, выставилъ
«девять бѣлыхъ флаговъ, и объявилъ себя Ханомъ
«(Императоромъ). Князья поднесли ему наимено-
«ваніе Чингисъ-Хана.»

Позвольте мнѣ сказать, почтенный О. Іакинѳъ, что это замѣчаніе ваше есть пустая привязка къ словамъ. Я могъ видѣть изъ вашихъ книгъ и другихъ источниковъ, что *не въ Тангутѣ*, а *по возвращеніи своемъ оттуда, на другой годъ*, Темудзинъ принялъ названіе Чингисъ-Хана. Но я удалилъ отъ моего разсказа сіи подробности, сказавъ на стр. 53-й И. Р. Н., что «излишне было-бы входить здѣсь въ исчисленіе всѣхъ побѣдъ и завоеваній Темудзина, начиная съ первыхъ успѣховъ его до кончины сего чудовищнаго генія.» Потомъ кратко исчислилъ я только важнѣйшее: покореніе близкихъ сосѣдей; впаденіе въ Тангутъ; принятіе имени Чингиса; остальныя окрестныя завоеванія; покореніе царства Гинъ, или Кинъ, Ховарезма, части Индіи и Персіи; походъ на Кавказъ и въ Русь. Иначе мнѣ надобно-бъ было излагать множество подробностей, безъ всякаго сомнѣнія, любопытныхъ, но слишкомъ частныхъ. Напримѣръ, кстати о *Тангутѣ*: вспомните, что покореніе сего государства не было совершено однимъ походомъ въ 1205 г., и составляетъ цѣлую Исторію, продолжавшуюся до 1227 года. Но я умолчалъ объ этомъ, и думаю, за это не обвинятъ меня.

Притомъ, выписавъ часть моей фразы, вы придали ей произвольный смыслъ, по которому выходитъ, что Темудзинъ въ 1206 г. вторгнулся въ Тангушъ, и *тамъ* назвалъ себя Чингисъ-Ханомъ. У меня напечатано (И. Р. Н. стр. 55): «Завладѣвъ Кераитами, Меркитами, Татарами, и вторгнувшись въ Тангутское царство, въ 1206 году Темудзанъ принялъ названіе Чингисъ-Хана, сдѣлалъ данникомъ своимъ Государя Тангутскаго, женился на его дочери и покорилъ Киргизовъ, Уйгуровъ и Уйрашовъ.»

Такой-ли смыслъ въ этихъ словахъ, какой угодно выводить вамъ?

XIII. *Темудзинъ отважился возстать противъ мнимыхъ своихъ повелителей, Нючжискихъ Манджуровъ* (И. Р. Н. т. IV. стр. 57).

«Нынѣ Манджурами (О. Іакинѳъ пишетъ: *Маньчжуры*) называются разныя поколѣнія Тунгусовъ, «обитающія отъ Сунгари-Улы и стрѣлки Амурской, на востокъ до Восточнаго Океана. Сіи Тунгусы дважды покоряли Китай: въ первый разъ въ началѣ XII-го столѣтія, подъ названіемъ *Нючженцевъ*, «а въ другой разъ въ половинѣ XVII-го вѣка, подъ «названіемъ *Манджуровъ*. Народное имя Нючженцевъ получили они отъ Княжескаго дома *Нючжи*, «возникшаго въ городѣ Нингушѣ, лежащемъ на лѣвомъ берегу рѣчки Хурхи, а *Манджурами* назвались отъ Княжескаго дома *Манджу*, возникшаго «въ городкѣ Одоли, лежащемъ при вершинахъ Хурхи, въ 300-хъ верстахъ отъ Нингушы на юго-за-

«падъ. — И такъ, Нючженцы и Манджуры суть «одинъ и тотъ-же народъ, только подъ двумя на- «званіями, заимствованными отъ двухъ своихъ ди- «настій, и слова: *Нючжискихъ Манджуровъ*, имѣли- «бы одинакій смыслъ съ словами: *Россійскихъ Рос- «сіянъ*, если-бы только пришло кому либо въ голо- «ву употребить послѣднее выраженіе.»

А мнѣ приходитъ въ голову, будто все это толь- ко привязка ваша къ словамъ. Нелѣпо будетъ ска- зать: *Россійскіе Россіяне*, но ни чуть не нелѣпо: *Русскіе Славяне*, *Литовскіе Славяне*, говоря о Сла- вянахъ составившихъ Русь и Литву, въ противо- положность Славянамъ *Моравскимъ*, *Богемскимъ*, *Сербскимъ*.

Что *Нючжійцы* и *Манджуры* были племена одно- го и того-же поколѣнія; что первые въ 1115 г. по- корили Сѣверный Китай (а *не весь Китай*, какъ мож- но подумать изъ словъ вашихъ, О. Іакинѳъ— позволь- те и мнѣ, хоть однажды, привязаться къ словамъ), и были уничтожены Монголами въ 1234 году; а вторые завоевали Китай въ 1649 г. и владѣютъ имъ донынѣ— кто-же этого не знаетъ?— Но когда часть Манджуровъ отдѣлилась отъ своихъ родичей подъ именемъ *Нючжійцевъ*, не должно-ли означать послѣднихъ подъ именемъ *Нючжійскихъ* Манджуровъ, въ отношеніи къ остальнымъ Манджурскимъ поко- лѣніямъ, какъ слѣдуетъ говорить: *Испанскіе* Гот- ѳы, *Чагатайскіе* Монголы, говоря о Готѳахъ въ Испаніи и Монголахъ Бухарскихъ, въ отношеніи къ остальнымъ Готѳамъ и Монголамъ?

XIV. *Заплакавъ отъ негодованія, три дня и три ночи скрывался Темуджинъ на высокой горѣ, изнуряя себя постомъ и молитвою, и двинулъ послѣ сего свои полчища* (И. Р. Н. т. IV, стр. 59).

«Г. Полевой, съ *препрославленною критикою на-*
«*стоящаго вѣка*, не примѣтилъ, что это написалъ
«Мугаммеданскій историкъ, сообразно съ поняті-
«ми о своей религіи; а у Монголовъ въ подобныхъ
«случаяхъ ни поста, ни молитвы не бываетъ.»

За то, нѣтъ-ли у Монголовъ какого нибудь обычая: обвинять несправедливо? Для чего насмѣшки надъ Современною Критикою, и къ чему ведутъ онѣ? И какъ-же могли вы написать, О. Іакинѳъ, будто я *не замѣтилъ*, что извѣстіе о молитвѣ Чингисъ-Хана передано намъ Мугаммеданскимъ писателемъ, когда въ примѣчаніи, на стр. 59-й И. Р. Н., я привожу даже и *имя Автора*, изъ котораго взято оно: «Рашидъ» (Оссона, H. des Mongols ч. I, стр. 149)?

«Ближе къ истинѣ было-бы, еслибъ Г. Полевой
«*самъ отъ себя* написалъ, что Чингисъ-Ханъ пре-
«проводилъ цѣлый мѣсяцъ въ попойкѣ съ своими
«полководцами, и потомъ двинулся въ походъ, ибо,
«какъ сей Государь, такъ и его полководцы, дѣй-
«ствительно симъ образомъ отправлялись въ по-
«ходы.»

Но, въ силу какой препрославленной критики прошедшаго вѣка совѣтуете вы мнѣ *самому отъ себя прибавлять* то, чего не нахожу я въ источникахъ Историческихъ? Неужели, почтенный О

Іакинѳъ, вы слѣдуете сему правилу въ вашихъ сочиненіяхъ и переводахъ, въ тоже время совѣтуя мнѣ не упоминать о фактѣ, потому только, что онъ находится въ нелюбимыхъ вами Турецкихъ Историкахъ, а нѣтъ его у вашихъ любимцевъ Китайскихъ писателей?

Сдѣлайте одолженіе, скажите: гдѣ нашли вы извѣстіе, что древніе Монголы никогда не начинали дѣлъ своихъ молитвою, а всегда попойками? Въ вашей *Исторіи Хановъ* я не нашелъ этого. Плано-Карпини, самовидѣцъ, увѣряетъ, что въ его присутствіи, при возведеніи на пронъ Хана, Монголы долго и усердно молились. Онъ пересказываетъ даже поученіе, какое тогда говорили Хану вельможи (Vide sursum, et agnosce Deum, и т. д.). Впрочемъ, не знаю: позволите-ли вы, О. Іакинѳъ, вѣрить Плано-Карпини? Вѣдь онъ не былъ Китаецъ. Только Китайцы никогда не лгутъ, а всѣ другіе писатели страшные врали.

XV. *Темуджинъ умеръ по Китайскимъ извѣстіямъ 66 лѣтъ; царствовалъ 22 года; но сіе невѣрно, и Мугаммеданскіе Историки, знавшіе лучше событія въ Монголіи, сказываютъ, что Темуджину было 72 солнечныхъ, или съ небольшимъ 74 лунныхъ лѣтъ* (И. Р. Н. ш. IV, стр. 63).

« По Китайской Исторіи, Чингисъ-Ханъ умеръ « на 66-мъ году отъ рожденія (См. *Ист. Хановъ*, « стр. 124 (*). А изъ Мугаммеданскихъ Историковъ

(*) Не 142-ю-ли страницу?

«Абулгази, который извлекъ свою Исторію изъ «18-ти другихъ Турецкихъ и Персидскихъ Исто- «риковъ, также пишетъ, что Чингисъ-Ханъ умеръ «въ лѣто 624 (1227), живъ 65 лѣтъ.»

Все это правда; но я предпочелъ лучше слѣдо- вать *Рашиду*, ибо ни Китайцы, ни Абулгази не объясняютъ: *на чемъ* основывается ихъ исчисленіе; Рашидъ-же входилъ по сему случаю въ подробныя изслѣдованія, и отъ кончины Темудзина до времени написанія Исторіи Рашида прошло столько лѣтъ семьдесятъ. Вотъ слова сего Историка: *On ne sait pas précisement* le jour et l'heure de la naissance de Témoutchin, *mais comme il est constaté dans l'opinion des princes Tchinguiziens et des seigneurs Mongols, qu'il a vécu 72 années solaires, ou un peu plus de 74 années lunaires, et qu'il est mort le quinzième jour du mois d'automne de l'année du porc* (Cacaï-Yil) *qui commence en safer* 624 (т. е. въ Февралѣ 1227 г.), *qu'on sait d'ailleurs qu'il naquit également dans l'année du porc*, il s'ensuit que sa naissance *doit être placée dans l'année du porc antérieure de cinq cycles à celle de sa mort*, laquelle a dû commencer au mois de zilcadé 549 (т. е. въ Февралѣ 1155 года).» Сіи слова Рашида можете прочесть у Оссона, H. de. M. ч. I, стр. 30.

«Біографію Чингисъ-Хана писали сами Монголы, «владычествовавшіе въ Китаѣ. Хубилай, который «собралъ сію біографію, былъ внукъ Чингисъ-Хановъ. «*Нѣтъ сомнѣнія*, что онъ часто видалъ своего дѣ- «да, и находился при его погребеніи; слѣдователь- «но: вѣрнѣе Мугаммеданскихъ Историковъ зналъ его «жизнь.»

Здѣсь можетъ выйдти споръ, подобный спору о томъ, какая родословная вѣрнѣе: Китайская или Магаммеданская? Причины, по коимъ предпочелъ я Рашидовъ вычетъ о жизни Темудзина, изъяснилъ я выше сего, т. е. потому, что Рашидъ, ученый человѣкъ своего времени, зналъ достовѣрно, что *по общему тогдашнему повѣрью* Монгольскихъ Князей и вельможъ (въ числѣ коихъ были многіе лично знавшіе Темудзина), Темудзину *было при кончинѣ его 72 года*; а въ тоже время Рашидъ откровенно сознается, что годъ рожденія Темудзина достовѣрно неизвѣстенъ; но *извѣстно*, что онъ родился въ годъ *Свиньи*, и умеръ въ сей-же годъ, черезъ пять цикловъ времени.

Могъ-ли я промѣнять такія ученыя доказательства и изслѣдованія на безотчетное увѣреніе Хубилая въ противномъ? Не спорю, что Хубилай могъ видать дѣда своего при его жизни, и даже быть при его погребеніи, ибо Хубилай умеръ 80 лѣтъ, слѣд. въ 1227 году, при погребеніи Темудзина, было ему лѣтъ 13-ть отъ роду. Но, чтобы вѣрнѣе ученаго современника своего Рашида, зналъ сей варваръ годы своего дѣдушки, этого сказать не льзя. Какъ-бы то ни было, а вы, О. Іакинѳъ, осуждаете меня не выслушавъ, и говорите: « *Подобными замѣчаніями трудно прикрыть поверхностное обозрѣніе Историческихъ источниковъ!* » Смиряюсь, но предаю мое оправданіе на судъ другихъ.

XVI. *Еще при жизни своей Темудзинъ раздѣлилъ завоеванныя имъ страны четыремъ сыновьямъ своимъ*: Чучи, Чагатаю, Оготаю и Тулую (И. Р. Н. ш. IV,

стр. 65). Въ примѣчаніи у меня сказано: «*Въ именахъ дѣтей Чингисъ-Хана мы слѣдуемъ правописанію Западныхъ Оріенталистовъ. Г-чъ Френъ пишетъ*: Джучи, Джагатай, *и проч. По Китайскому произношенію выходитъ*: Чжоцинъ, Чагаиьшай, Угэдэй, Тулэй.»

«Г. Полевой сознается, что онъ, считая Ки-
«тайское произношеніе Монгольскихъ словъ не-
«правильнымъ, преимущественно слѣдовалъ право-
«писанію Западныхъ Оріенталистовъ, какъ *вѣрнѣй-*
«*шему*.»

Совсѣмъ нѣтъ: въ прим. 29-мъ IV т. И. Р. Н. я объяснился о трудности выразить Восточное произношеніе Латинскими, или нашими, Кирилловскими буквами; привелъ и примѣры разнописанія оныхъ въ Европѣ (между прочимъ семь примѣровъ разнописанія одного Чингисъ-Ханова имени), и заключилъ. «Мы рѣшились держаться средины: не совсѣмъ обезображивать Восточныя имена, и *не писать ихъ однакожъ такъ, какъ многіе писали, старался выразить сколь можно ближе произношеніе Восточное* (напримѣръ: Ibn Fat'h Allah El Bailuni, или Abu Abd Allah Mohammed Ibn Abd Allah El Lawati). Потому именно принялъ я больше употребительное правописаніе нѣкоторыхъ Западныхъ Оріенталистовъ.

«Теперь время и случай представить публикѣ на
«судъ, вмѣстѣ съ вышеприведенными собственны-
«ми именами, и другія Монгольскія слова, которыя
«Г-нъ Полевой употреблялъ по правописанію За-
«падныхъ Оріенталистовъ, въ избѣжаніе Китайска-

«го произношенія оныхъ, какъ-то: Юссугай, Мангу, «Субушай.»

Слѣдуетъ мнимое обличеніе меня въ совершенномъ невѣжествѣ:

«Въ таблицѣ собственныхъ именъ, приложенной «въ концѣ изданной мною *Исторіи Хановъ*, ска-«зано:

«*Чжочинъ*, имя Принца; значитъ: *гость*. Мон-«гольское слово; на Китайскомъ *Чжучи*.

«*Чаганьтай*, имя Принца; значитъ: *бѣлый*. Мон-«гольское слово; на Китайскомъ *Чахэтай*.

«*Угэдэй* и *Огэдэй*, имя Государя; значитъ: *высшій*. «Монгольское слово; на Китайскомъ *Окотай*.

«*Субутъ*, имя Принца; значитъ: *жемчугъ*. Мон-»гольское слово; на Китайскомъ *Субутай*.

«*Шукэй*, имя человѣка. Монгольское слово; на «Китайскомъ *Юсугай*.

«*Мункэ* имя Государя; значитъ: *вѣчный*. Монголь-«ское слово; на Китайскомъ *Мынкэ*.

«*Мунгу*, имя человѣка; значитъ: *серебро*. Мон-«гольское слово; на Китайскомъ *Мангу*.

«Изъ сего открывается, что Чжочинъ, Чагань-«тай, Угэдэй, Шукэй, Субутъ и Мункэ, суть «собственныя Монгольскія имена правильнаго про-«изношенія, а Джучи, Чагатай, Оготай, Юсу-«гай, Субутай, суть тѣ-же слова по Китайскому «произношенію. Г. Полевой, всемѣрно избѣгая Ки-«тайскаго правописанія, къ неудовольствію своему, «точь въ точь попалъ на оное.»

Не буду здѣсь излагать спора о правописаніи и передѣлкахъ именъ Китайцами, спора, который продолжается между Г-мъ Клапротомъ и вами, О. Іакинѳъ. Это запрудило-бы только читателей (*). Но позвольте мнѣ обратиться къ дѣлу ближе, и показать, что для обвиненія меня вы позволили себѣ нѣсколько рѣшительныхъ несправедливостей.

Во-*первыхъ*, въ таблицѣ собственныхъ именъ при вашей *Исторіи Хановъ*, имена Чжоцинъ, Чагань-шай, Угэдэй, Субутъ, Шукэй, Мункэ, Мунгу, выставлены такъ: (на стр. 389) *Чжу-ги*, (на стр. 387) *Ча-хз-тхай*, (на стр. 372) *О-ккхо-тхай*, (на стр. 375) *Су-бу-тхай*, (на стр. 371) *Мынг-гэ, или Мань-лай-ккхэу*, (на стр. 370) *Мань-гу*. Думаю, что между такимъ произношеніемъ, и *Чучи*, *Чагатай*, *Оготай*, *Субутай*, *Мангу*, какъ пишутъ Западные Оріенталисты, есть разница, именно показывающая стараніе Китайцевъ поддѣлаться подъ Монгольское произношеніе; и что, слѣдовательно, *не Китайскому, но Западныхъ Оріенталистовъ правописанію* слѣдовалъ я. Главное-же то, что въ таблицѣ вашей пишете вы *такъ*, а въ Молвѣ *иначе*. Это вовсе никуда не годится!

Второе. Вы скажете, будто я сознаюсь, что *вы*, по крайней мѣрѣ, правильно по-Монгольски

(*) Желающіе, могутъ видѣть сущность этого спора въ статьяхъ Г-на Клапрота и отвѣтахъ О. Іакинѳа, въ Тел. 1831 года, т. XXXVIII и XXXIX.

пишете: Чжоцинъ, Чаганьшай, и проч., а я виноватъ, почему такъ не писалъ. Потому, что я сомнѣваюсь въ правильности вашего Монгольскаго правописанія. Доказательствомъ сего приведу, что Г-нъ Шмидтъ въ своей Исторіи Монголовъ пишетъ, не *Чжоцинъ*, а Dschutschi, не *Чаганьтай*, а Tsaghatai, не *Угэдэй*, а Ugetai, не *Субутъ*, а Ssubugetai, не *Шукэй*, а Iussugei, не *Мункэ*, а Möngke, т. е. точь въ точь такъ, какъ вы называете: *по неправильному Китайскому произношенію*. Но Г-нъ Шмидтъ переводилъ съ Монгольскаго языка — въ этомъ споришь нечего. Гдѣ-же ваша справедливость?

Сказавъ, что я нечаянно, самъ того не зная, попалъ на Китайское произношеніе, вы продолжаете: «Сіе произошло отъ того, что Западные Оріенталисты, при переводѣ Исторіи Монголовъ съ Китайскаго языка, въ тоническомъ переложеніи собственнымъ именъ неуклонно слѣдовали Китайскому правописанію.»

Вотъ это уже становится забавно! Но всѣ Турецкіе Историки, всѣ Западные Оріенталисты, переводившіе Турецкихъ Историковъ, пишутъ: не *Чаганьтай*, не *Исукэй*, а Чагатай (Джагатай), Юссугай (Юссукай). Неужели и Мугаммедане XIII-го вѣка справлялись, и Оріенталисты XIX-го вѣка справляются о произношеніи Монгольскихъ именъ у *Китайцевъ?* Пощадите, О Іакинѳъ!

«Что касается до *Мангу*, подъ которымъ Г-нъ «Полевой разумѣлъ Государя *Мункэ*, сіе слово, по «двусмысленному его употребленію, должно при-

«числить къ погрѣшностямъ, ибо *Мангу* по-Ки-«тайскому правописанію есть *Мунгу*, имя чинов-«ника, а не Государя.»

Но вы сами говорите, что *Мунгу* по-Монгольски, *Манъ-гу* по-Китайски, есть имя *человѣка*, значитъ: *серебро* (Ист. Хан. стр. 370). Неужели никому въ Монголіи не позволяютъ называться: *Мангу*, боясь смѣшать это имя съ званіемъ чиновника?

За тѣмъ вы говорите о раздѣленіи Монгольскихъ нарѣчій. Не выписываю этого, ибо это нисколько къ дѣлу не относится (требуя при томъ свидѣтельства отъ человѣка болѣе васъ свѣдущаго во всѣхъ отрасляхъ Монгольскаго языка). Изъ вышеприведенныхъ мною объясненій ясно доказывается, что ни Чжочинъ, ни Чжоцинъ, ни Чаганьтай, ни Цагантай не *говорится по-Монгольски*.

Я повѣрю противному, когда вы опровергнете все, сказанное мною противъ вашего XVI-го замѣчанія, и докажете, что Магаммеданскіе Историки Монголовъ, Западные Оріенталисты и Г. Шмидтъ слѣдовали *Китайскому правописанію*, и не знали *настоящаго Монгольскаго*. Но согласитесь, что это рѣшительно невозможно?

XVII. *Потомъ Мангу и Кюкъ ѣдутъ къ Оготаю, а Батый завоевываетъ снова землю Руссовъ и Харакалпаковъ* (Черныхъ Клобуковъ) — И. Р. Н. т. IV, прим. 107.

Я старался изъяснить этимъ словомъ названіе

народа, упомнпаемое въ числѣ племенъ, покоренныхъ Батыемъ по правую сторону Волги. Оссонъ, изъ коего я взялъ шекстъ Турецкаго писателя, говоритъ: marcherent contre les Russes et les Bonnets Noirs (*Caracalpaks*; ce sont les Klobouks Noirs des Historiens Russes). Давно уже согласились ученые изслѣдователи въ тождествѣ названія *Кара-Калпаковъ*, или *Хара-Калпаковъ*, обитающихъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, и *Черныхъ Клобуковъ*, столь извѣстныхъ по нашимъ лѣтописямъ. Въ чемъ-же дѣло?

«*Кара*-Калпакъ, а не *Хара*, сушь Турецкія слова,
«въ переводѣ: черный калпакъ. Калпакомъ въ Сред-
«ней Азіи называютъ высокую, конической фигуры,
«шляпу безъ полей, и таковыя-же шляпы съ околы-
«шами. Г. Полевой можетъ узнать это отъ каждаго Татарина, бывшаго на Оренбургской, или Сибирской линіи.»

О словѣ: *Хара*, или *Кара*, скажу одно, что сколько мнѣ извѣстно, ни Русское К, ни Русское Х, не выражаютъ вполнѣ Восточнаго звука, который стараются выразить ими; такъ-же какъ не выражаютъ его Латинскія С и КН. Что *калпакъ* значитъ *шапку* у Турецкихъ племенъ на Востокѣ, также давно я знаю. Далѣе:

«*Клобукомъ* въ Словарѣ Россійской Академіи на-
«звано покрывало креповое, носимое монашеству-
«ющими на головѣ, сверхъ камилавки, а камилавка,
«или, правильнѣе, камилавхій, есть наглавникъ, но-
«симый монашествующими подъ клобукомъ. Совѣ-
«шую Г. Полевому, для исправленія сей погрѣшно-

«стп, въ слѣдующемъ томѣ, вмѣсто *черныхъ клобу-*
«*ковъ*, написать: *черныхъ камилавокъ*, если только
«найдетъ какое либо сходство въ камилавкѣ съ
«островерхою, или Туркестанскимъ калпакомъ.»

Оставляя въ покоѣ Словарь Академіи, смѣю увѣрить васъ, почтенный О. Іакинѳъ, что предки наши *клобукомъ* называли *вообще шапку*. Въ Польскомъ языкѣ донынѣ: ktobuk, значитъ *шляпу, калпакъ*; шапочки у соколовъ древле назывались: *клобучекъ*; отсюда происходитъ и Русскій глаголъ: *нахлобучить* (т. е. наклобучить). И именно *клобукомъ* называлась и *камилавхія* монашеская. Покрывало-же, сверхъ оной носимое, именовалось: *каптырь* (это слово сохранилось донынѣ у Раскольниковъ) и *кукулій*, по просторѣчію: *кукуль*. — Въ лѣтописяхъ нашихъ встрѣчается народъ: *Черные Клобуки*; явно *черношапники, черношляпники*. *Каракалпакъ* значитъ также: *черношляпникъ, черношапникъ*. Дѣло не въ формѣ, а въ названіи головнаго убора. Какъ-же велите вы мнѣ, О. Іакинѳъ, называть *Черныхъ Клобуковъ* Черными Камилавками, въ угодность Словарю Академіи, когда ихъ такъ не называли наши предки, и когда Лѣтописи говорятъ именно: *Черные Клобуки?* Или вы шутите, О. Іакинѳъ? Если такъ, то эта шутка совсѣмъ не у мѣста. Или вы не вѣрите тождеству нашихъ Черныхъ Клобуковъ и Каспійскихъ Каракалпаковъ? Въ такомъ случаѣ, для чего не объяснились вы прямо?

XVIII. Хора-Хорнинь, *по-Монгольски*, Хара-Хорумъ, Кара-Корумъ, *или* Каракумъ, *по-Турецки* (И. Р. Н. ш. IV, стр. 107).

«Хора-Хоринь есть названіе столицы, основан-
«ной Чингисъ-Ханомъ. Сіи слова суть Монгольскія;
«въ переводѣ: двадцать черныхъ. Туркестанцы
«исказили сіи слова въ Кара-Корумъ, или Кара-
«Кумъ, что на Турецкомъ значитъ: черный песокъ.
«Г. Полевой преимущественно принялъ искаженное
«слово, а правильное отринулъ.»

Потому отринулъ, что не совсѣмъ вѣрилъ, будто *Хара-Хоринь* есть чистое Монгольское произношеніе, на основаніи тѣхъ-же причинъ, по которымъ не писалъ я: Чжоцинъ и Чаганьшай. При томъ: не выставилъ-ли я и вашего произношенія, подлѣ *Кара-Корума?* И наконецъ, я-ли выдумалъ слово: *Кара-Корумъ?* Такъ писали Мугаммеданскіе Историки и Западные Оріенталисты, коимъ я слѣдовалъ, и писалъ: *Кара-Корумъ*, какъ имя болѣе извѣстное и употребительное. Споръ о томъ: значитъ-ли это *черный песокъ*, или *двадцать черныхъ*, предоставляю рѣшить людямъ, опытнымъ болѣе меня. У Г. Шмидта (повторяю: *переводившаго съ Монгольскаго*) я нахожу: *Chorumchan Balghad*, что переводитъ онъ: die Stadt oder Rezidenz Chorumchan. Далѣе: *Choning*, съ изъясненіемъ: der spatere Name der Stadt *Chara-Chorum*, oder *Kara-Korum* (Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 404, 211, 411).

«Сверхъ того, искаженное, Г-нъ Полевой вновь
«исказилъ: изъ *Кара-Кумъ* сдѣлалъ *Хара-Корумъ*,
«ибо Монгольское слово: *Хара*, на Турецкомъ язы-
«кѣ говорится: *Кара*.»

Нѣтъ! я писалъ: или *Кара-Корумъ*, или *Хара-Хорумъ*, и совсѣмъ не писалъ *Хара-Корумъ*: ссыла-

юсь на 107-ю страницу И. Р. Н. Повторяю, что слово: *Кара-Корумъ*, не мною выдумано. Вы скажете: для чего я осмѣлился написать: *Хара-Хорумъ?* Для того, что, какъ я выше сказалъ, думаю, будто ни наше К, ни наше Х, вполнѣ Восточнаго звука не выражаютъ, и мнѣ кажется, сколько извѣстно мнѣ произношеніе Азіятцевъ, вѣрнѣе писать Х. Впрочемъ, вышеприведенныя слова Г. Шмидта вполнѣ показываютъ, что и то и другое хорошо, и писать можно, ибо Г. Шмидтъ именно пишетъ: Chara-Chorum *oder* Cara-Corum, совсѣмъ не дѣлая отверженія бѣдному: *Хара*. Послѣ сего не знаю, справедлива-ли насмѣшка ваша надо мною: «Едва-ли «нынѣшнее усовершеніе Исторіи требуетъ такихъ «превращеній?» Неужели эта насмѣшка что нибудь доказываетъ?

XIX. *Здѣсь основалъ онъ* (Батый, *а не* Чучи, *какъ вы говорите*) *свою Великую орду, и назвалъ ее* Золотою (И. Р. Н. ш. IV, стр. 108).

«Мѣсто сіе чрезвычайно важно для Исторіи Зо«лотой орды. До сего времени, еще ни одинъ изъ «ученыхъ не имѣлъ счастія дочитаться въ Азіятскихъ Исторпкахъ, что *Чучи назвалъ орду свою «Золотою*. Г. Полевой весьма одолжитъ ученую «публику, указавъ сей неизвѣстный источникъ свѣ«дѣнія о Золотой ордѣ.»

Но, я и не думалъ говорить, чтобы *Чучи основалъ Волжскую, или Сарайскую орду, и назвалъ ее Золотою*. Я говорилъ о *Батыѣ*, ибо извѣстно, что Чучи, отецъ Батыя, умеръ, или въ Средней Азіи,

или въ Сибири, въ 1225 году, и что только на курилтаѣ 1235 года положили Монголы: Батыю, и другимъ Ханамъ, идти за Волгу на Западъ; и только послѣ возвращенія своего изъ Венгріи основалъ Батый на Волгѣ Золотую орду, куда въ первый разъ явились къ нему Русскіе Князья въ 1243 году.

Почтенный О. Іакинѳъ! вы нѣсколько разъ упрекали меня въ поспѣшномъ чтеніи, а сами обвиняете меня въ томъ, что должно приписать вашему поспѣшному прочтенію 108-й стр. IV-го тома Ист. Русск. народа, если только не чему нибудь другому....

XX. *Дѣленіе четыремъ сыновьямъ Темудзина*: Чучи (*отъ него* Батый и *братья его*), Чагатай (*отъ него властители Самарканды*, и Тимуръ, *или* Тамерланъ). — (И. Р. Н. т. IV, стр. 156).

«По свидѣтельству Азіятскихъ Историковъ, Ти-
«муръ-Ханъ не отъ Чингиса происходилъ, а былъ
«родомъ Бухарецъ, по состоянію пастухъ. Тѣлесная
«сила, отважность и счастье сдѣлали его изъ па-
«стуха сильнымъ Государемъ.»

Извините: Тимуръ былъ знаменитаго происхожденія, отъ племени Берлассовъ; Карашаръ-Невіанъ, предокъ его въ пятомъ колѣнѣ, былъ Визиремъ Чагатая, и родъ Тимура равнялся съ Чингисовымъ, ибо Темудзинъ происходилъ отъ Кабель-Хана, а Тимуръ отъ брата его Хана Качули. Справьтесь въ *Институціяхъ* Тимура (Institutiones, Французскій переводъ Ланглеса, Парижъ, 1787 г., стр. 24, 25), у Абулгази, стр. 152, 399 и 402; у Оссона, H. des M. ч. II, стр. 679. Тимуръ гордился своимъ род-

сивомъ съ Чингисъ-Ханомъ, и для того даже предпринималъ послѣдній походъ въ Китай, въ 1405 г., чтобы возвратить Китай изгнаннымъ изъ него потомкамъ Чингиса. Самъ клеветникъ и ругатель Тимура, Арабша, признается, что по женскому колѣну (per mulieres) Тимуръ былъ родня Чингису (Achmedis Arabsiadae vitae et rerum gestarum Timuri, Франкфуртъ, 1767 г., ч. I, глава I, стр. 25).

Правда, мнѣ надобно было все это пояснить, и слова мои: «Чагатай (*отъ него* властители Самарканды и Тимуръ),» могутъ показаться такъ, будто я произвожу Тимура отъ Чагатая. Но, вы видите, О. Іакинѳъ, что я имѣлъ основаніе, производя Тимура отъ Чингисидовъ; а вы, напротивъ, не имѣли никакого, голословно называя его Бухарскимъ пастухомъ низкаго рода, и ссылаясь на Азіятскихъ Историковъ, которыхъ поименовать не разсудили за благо. Не угодно-ли подтвердить слова ваши доказательствомъ точнымъ?

«Оспоривая у Чингисцевъ владычество надъ «Азіею, онъ (Тимуръ) вооружилъ одну половину «Турецкихъ племенъ на другую, и сія-то борьба «Тимуридовъ съ Чингисидами, нечувствительно «ослабивъ силу Золотой орды, подала Россіи воз«можность восторжествовать надъ прежними сво«ими тиранами. Если Г. Полевой приметъ сію «мысль, то долженъ будетъ исключить Тимуръ-Ха«на изъ родословной Чаганьтаевой.»

Мысли этой я не приму, ибо хотя Тимуръ точно былъ *одною изъ посторонних причинъ* паденія

Орды Волжской, два раза разгромивъ ее, но не Тимуръ былъ главною причиною, а совсѣмъ другія обстоятельства, прежде и послѣ него совершившіяся, о чемъ подробно говорю я въ IV-мъ и V-мъ томахъ И. Р. Н. Если изъ вражды Тимура прошивъ Тохтамыша, вы, О. Іакинѳъ, выводите доказательства не-родства его съ Чингисидами, то не понимаю: какъ объясните вы непримиримую, кровавую вражду, которая терзала потомковъ Чингиса, почти съ самой его кончины до рѣшительнаго паденія ихъ повсюду?

Замѣчанія ваши, О. Іакинѳъ, кончились, и я оканчиваю мои замѣшки противъ нихъ. Теперь позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ — въ заключеніе.

1. Согласитесь, что я не исказилъ вашихъ замѣчаній, выписалъ ихъ всѣ вполнѣ, и отвѣчалъ вамъ на каждое ваше обвиненіе.

2. Согласитесь и въ томъ, что я не позволилъ себѣ ни малаго гнѣва и ни одного оскорбительнаго противъ васъ слова. Я почитаю это-же столь неприличнымъ дѣльному спору, сколько и несообразнымъ съ тѣмъ уваженіемъ, какое чувствовалъ и чувствую я къ вамъ, уважая почтенные труды ваши. Мнѣ очень жаль, что вы не такъ поступили со мною. Человѣкъ самый почтенный и ученый можетъ ошибаться, и ошибка весьма часто не доказываетъ ни глупости, ни невѣжества. Если-бы я и ошибся въ чемъ нибудь, зачѣмъ высказывать вамъ обличеніе меня съ гнѣвомъ и сердцемъ? Но —

3. Согласитесь, что всѣ ваши противъ меня об-

виненія разлетѣлись дымомъ отъ безпристрастнаго разбора? Говорю смѣло, что всѣ двадцать замѣчаній вашихъ состояшъ, или изъ привязокъ и собственныхъ вашихъ недоразумѣній (VIII-е, о Кераитахъ; XI, о походахъ Монголовъ; XII, о Тангутѣ; XIII, о Нючжисцахъ; XIV, о молитвѣ Темудзина), или изъ словъ, ничѣмъ недоказываемыхъ (I, о религіи Китайцевъ; XX, о Тимурѣ), или изъ того, что вы слѣпо вѣрите всему Китайскому, и не вѣрите ни чему и ни кому другому, а особливо Западнымъ Оріенталистамъ (VI, о родословной Чингиса; XV, о лѣтахъ Чингиса), или, наконецъ — просто изъ ошибокъ, какъ напримѣръ: все, что вы говорите о достовѣрности Азіятскихъ Историковъ, въ зам. IV-мъ; о словѣ: *Хара*, въ замѣч. XVIII-мъ; о Золотой ордѣ, въ зам. XIX-мъ — все это, позвольте мнѣ сказать, рѣшительныя ошибки.

Повторю, что сказалъ въ началѣ моей статьи: « *Стоило-ли труда писать подобныя замѣчанія?* »

Вамъ не угодно было замѣтить ничего достойнаго похвалы въ томъ, что я извлекъ изъ Азіятской Исторіи и включилъ въ Русскую; не угодно было замѣтить новаго на Русскомъ языкѣ взгляда на Исторію Азіи, на нашествіе Монголовъ и владычество ихъ въ Россіи. Не требую отъ васъ этого; но, скажите: не совѣстно-ли вамъ приставать къ толпѣ тѣхъ Русскихъ Литтераторовъ, которые, въ блаженномъ самодовольствѣ незнанія, смѣются надъ высшими взглядами, надъ современнымъ усовершенствованіемъ Критики, и въ Нибурѣ и Шамполліонѣ, А. Тьерри и Гизо, видятъ шарлатановъ? Если-бы,

слѣдуя за сими велпкими людьми, я и ошибался по недостатку собственныхъ силъ, но знайте, О. Іакинѳъ, что мои ошибки предпочтительнѣе жалкаго невѣжества людей, дерзающихъ смѣяться надъ подобными, благородными усиліями нашего вѣка къ распространенію Исторической истины.

Какъ-бы благодаренъ былъ я вамъ, если-бы вы, безпристрастно оцѣнивъ прудъ мой, скромно указали мнѣ на мои погрѣшности, дополнили неполное, пояснили темное, и исправили все это своимъ указаніемъ! Я охотно готовъ сознаваться въ ошибкахъ: вотъ, напримѣръ, въ томъ, что первая половина IV-го тома И. Р. Н. напечатана со многими опечатками (*), хотя и происшедшими отъ обстоятельствъ, отъ меня независѣвшихъ. Въ отношеніи темныхъ мѣстъ, укажу для примѣра на одно, что не понимаю: откуда взялось наименованіе Монголовъ *Татарами?* Возьмитесь пояснить это.

Но и теперь, хотя ни за одно почти замѣчаніе ваше, О. Іакинѳъ, мнѣ нечего благодарить васъ, я повторяю, что и самое пристрастіе, самая привязчивость ваша ко мнѣ никогда не истребятъ моего къ вамъ уваженія, какъ къ человѣку, и какъ къ достойному Оріенталисту, хотя настоящимъ Оріен-

---

(*) Приведу нѣкоторыя: И. Р. Н. т. IV, стр. 27, Харохорумъ; стр. 29, Cyaumis, Cattiywar; стр. 35, Вурутъ; стр. 37, Онопу; стр. 39, Юссюгай; стр. 55, Чуртушенъ, Туркинь — вмѣсто: Харахорумъ, Choumis, Cattywar, Бурутъ, Онону, Юссугай, Чуртуменъ, Турканъ.

шалистомъ вы назваться не можете, зная только Китайскій языкъ, и немного Монгольскій). Даже то, что вы безъ всякаго разсужденія увлекаетесь Китайцами, въ глазахъ моихъ уважительно: оно доказываетъ любовь, страсть вашу къ исключительному и любимому предмету вашихъ занятій.

Статья эта была кончена, когда въ № 151-мъ *Молвы* появилось дополненіе къ замѣчаніямъ О. Іакинѳа на IV-й томъ И. Р. Н. Долгомъ почитаю объясниться и объ этомъ дополненіи. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

Я сказалъ, на стр. 29-й IV-го тома И. Р. Н., что въ Китаѣ и Индіи существуютъ остатки древнѣйшихъ племенъ, начало коихъ совсѣмъ неизвѣстно Исторіи. Отличаясь отъ другихъ племенъ своими языками, по всѣмъ вѣроятіямъ, сіи народы должны быть отнесены къ самымъ древнѣйшимъ переворотамъ въ Азіи. Такихъ племенъ, или народовъ, указалъ я въ Китаѣ четыре: Miaosse, Lolos, Mienting, Hainan.

О. Іакинѳу ужасно все это не понравилось. Онъ осыпаетъ меня за эти народы множествомъ насмѣшекъ (отъ повторенія коихъ я увольняю себя и почтенныхъ моихъ читателей), и изъясняетъ:

Что *Miaosse* есть полу-Индійское племя, за 4114-ть лѣтъ тому, *выведенное* въ Китай, отъ котораго племени произошли Тангуты и Тибетцы;

Что *Lolos* есть Тангушское поколѣніе, живущее въ области Сы-чуанъ;

Что *Mienting* есть Китайское названіе Пегуанцевъ, и, слѣдовательно: Mienting есть извѣстная земля *Пегу*;

Что *Hainan* не народъ, а *островъ* Хайнанъ, заселенный Китайцами.

Пожимаю плечами отъ удивленія, и хотя могъ-бы я много написать въ опроверженіе замѣчаній О. Іакинѳа, но ограничусь нѣсколькими словами:

1. Извѣстіе Китайцевъ о народѣ Miaosse, давно извѣстно въ Европѣ. Но, какъ можно означать *даже годъ* выхода этого народа въ Китай, за 4114 лѣтъ! И притомъ, что̀ значитъ: *изъ Индіи?* Опять странность, ибо имя *Индіи* означаетъ обширное пространство земель, населенное разнородными племенами, и ни съ однимъ изъ *Индійскихъ* племенъ Miaosse несходны: это дикари, которыхъ едва покорили Китайцы подъ власть свою въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка. Явно, что извѣстіе Китайцевъ о выводѣ народа Miaosse изъ Индіи, за 4114 лѣтъ до нашего времени, есть хвастливое вранье, выдаваемое ими за истину.

2. Племена народа Lolos живутъ въ области Юнъ-Нань, и по извѣстіямъ Географовъ нѣсколько сходствуютъ съ Бирманами, но во многомъ отличаются отъ нихъ, и, какъ замѣтно, сіи племена были нѣкогда самобытнымъ, сильнымъ народомъ. Слово: *Тангутъ*, въ Исторіи Азійской, еще неопредѣленнѣе Индіи.

3. О томъ, что Mienting есть *Пегу* — не знаю, что и сказать! Государство *Монъ* или *Моань*, нынѣ покорное Бирманамъ, отъ Европейцевъ именуемое Пегу, отъ Бирмановъ Taleing, отъ Сіямцовъ Ming-mon, смѣшиваешь съ народомъ Mienting, живущимъ въ верхнемъ Юнъ-Нанѣ, иначе называемымъ *Кинча*, позволительно какому нибудь ученику; но какъ писать, и даже печатать это ученому человѣку? Не понимаю!

4. Верхъ всего — есть слова О. Іакинѳа о *Гайнанѣ*. Любопытно, что найдя близъ Китайскихъ береговъ островъ Гайнанъ, онъ упрекаетъ меня въ сущемъ невѣжествѣ, и увѣряетъ, что называть Гайнанъ народомъ, все равно, что сказать: *Сицилія, живущая въ Неаполитанскомъ королевствѣ, есть остатокъ древняго неизвѣстнаго народа.* Но, вѣрно, О. Іакинѳъ не знаетъ, что Гайнанъ, до покоренія его Китайцами, былъ заселенъ туземнымъ, отдѣльнымъ отъ Китайцевъ и непзвѣстнымъ народомъ, остатки коего и теперь укрываются внутри острова. Эти остатки не похожи ни на одинъ Азіятскій извѣстный народъ; говорятъ своимъ особеннымъ языкомъ, и хотя почитаются отъ иныхъ Географовъ племенемъ Папуасовъ, но это еще не доказано.

Что̀ сказать послѣ всего этого о дополненіи О. Іакинѳа къ его замѣчаніямъ на Ист. Русск. народа?

Любопытнѣйшее въ дополненіи О. Іакинѳа есть то, что открылась наконецъ причина, по которой вздумалъ онъ столь жестоко нападать на меня: онъ откровенно признается, что его разсердилъ отзывъ

Телеграфа объ *Исторіи Тибета и Хухунора.* Не забавно-ли: въ Телеграфѣ замѣчено было, что у Китайцевъ Исторія исполнена нелѣпостей, а О. Іакинѳъ принялъ это за неуваженіе къ его «ученому труду,» вздумалъ сердиться, и платитъ за это критикою на Ист. Русскаго народа? — Послѣ сего, если-бы кто нибудь перевелъ Миѳологію Индійцевъ, и критики, отдавая справедливость за трудъ переводчика, сказали притомъ, что Индійская Миѳологія принадлежитъ къ заблужденіямъ ума человѣческаго, переводчикъ имѣлъ-бы право сердиться и считать это личнымъ къ себѣ неуваженіемъ? И въ угодность ему надобно-бъ было говорить, что Индійская Миѳологія есть истинная религія? Какъ могутъ ошибаться люди, самые умные и почтенные, и поступокъ О. Іакинѳа какое сильное доказательство, что человѣкъ въ гнѣвѣ способенъ къ самымъ страннымъ заблужденіямъ и ошибкамъ!!

Н. П.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Руководство къ познанію Исторіи Литтературы*, составленное Василіемъ Плаксинымъ. СПб. Въ т. III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1833. IX и 352 стр. in-8.

Заглавіе сей книги не соотвѣтствуетъ ея содержанію. По заглавію можно искать въ ней Исторіи Литтературы вообще, а она, собственно, содержитъ въ себѣ взглядъ на Исторію Русской Литтературы, для поясненія коей Авторъ считалъ необходимымъ сказать нѣчто о древнихъ, и отчасти новыхъ Литтературахъ. Съ 58-й страницы и до конца книги идетъ Исторія Русской Литтературы.

И такъ мы должны смотрѣть на сіе сочиненіе, какъ на опытъ Исторіи *Русской* Литтературы, въ чемъ соглашается и самъ Авторъ, на стр. VI-й и VII-й своего предисловія. Необходимо однакожъ предваритльно сказать нѣсколько словъ о его теоріи.

Признаемся, что теорія почтеннаго Автора очень сбивчива. Мы не могли допскаться въ книгѣ его: чѣмъ онъ почитаетъ Литтературу? Въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ ее *знаніемъ* (стр. 8-я), въ другомъ *Изящнымъ Искусствомъ* и *формою* (стр. 5-я), въ третьемъ *Наукою* (стр. III-я); наконецъ онъ называетъ свой предметъ то Словесностью, то Литтературою, и такія противорѣчія разсѣяны во всей его книгѣ. Не мѣсто излагать здѣсь наши понятія о Словесности и Литтературѣ, тѣмъ болѣе, что мы уже имѣли случай высказать ихъ въ разборѣ первой лекціи Г-на Давыдова; однакожь не льзя не замѣтить, что сбивчивость понятія объ идеѣ предмета, объясняемаго Г-мъ Плаксинымъ, кажется намъ главнымъ недостаткомъ всѣхъ Русскихъ сочиненій о Словесности, а въ томъ числѣ и сочиненія разсматриваемаго нами.

Первыя 12-ть страницъ сей книги заняты ненужными и по большей части несправедливыми размышленіями. Все зданіе Словесности (къ которой Авторъ причисляетъ и *Исторію*) зиждется шутъ на выгодѣ народовъ передавать свой бытъ и подвиги потомству. Нужно-ли опровергать это? Далѣе идутъ мнѣнія: что всякій языкъ можетъ имѣть Литтературу, что самыя бѣдныя *словесныя* произведенія составляютъ Литтературу, что Литтература проистекаетъ изъ языка, но доколѣ нѣтъ народности, нѣтъ общности (чего?), дотолѣ нѣтъ Исторіи, нѣтъ Литтературы.

Всѣ эти опредѣленія и выводы слишкомъ неудач-

ны. Во-первыхъ Литтература бываетъ не у *языка*, а у *народа*. Кажется, въ наше время уже не спорятъ, что человѣкъ, измѣняясь вѣкомъ и климатомъ, все-таки остается человѣкомъ, и слѣдовательно самый варварскій народъ не только можетъ, но и долженъ имѣть Литтературу, какъ скоро достигнетъ онъ извѣстной степени образованности. Но, во-вторыхъ, не всякое словесное произведеніе есть Литтература, для которой необходима еще письменность, ибо литтературныя произведенія не сочиняются и не составляютъ Литтературы безъ формъ неизмѣнныхъ, которыхъ не можетъ дать имъ одна память. Въ третьихъ, наконецъ, Литтературою можно назвать только полное выраженіе народа во всѣхъ родахъ письменности, хотя-бы въ то-же время оно было совсѣмъ не *національнымъ* выраженіемъ, и наоборотъ, при самомъ полномъ выраженіи народности въ словѣ, можно оставаться безъ Литтературы. Въ подтвержденіе словъ нашихъ просимъ почтеннаго Автора спросить себя: неужели Французская Литтература вѣка Людовика XIV-го (совсѣмъ не народная) не Литтература, а Оссіановы пѣснопѣнія, столь ярко ознаменованныя народностью, Литтература? По его опредѣленію выйдетъ отвѣтъ противоположный истинѣ, то есть, что у Французовъ вѣка Людовика XIV-го не было Литтературы, а у древнихъ Шотландцевъ она была.

Но шаткія эти опредѣленія привязаны къ книгѣ Г-на Плаксина, Богъ знаетъ для чего, такъ,

что они не мѣшаютъ ей быть книгою очень хорошею. Они даже ни сколько не соединены съ Исторіею Русской Литтературы, такъ-же какъ и предшествующіе ей взгляды на другія Литтературы, на Классицизмъ и на Романтизмъ. Вообще у Г-на Плаксина много мыслей здравыхъ, истинныхъ; но онѣ какъ-то отдѣльны, несвязны и перемѣшаны съ мыслями не совсѣмъ справедливыми. Это доказываетъ, что Авторъ читаетъ современныя сочиненія, но не образовалъ еще изъ нихъ полной системы для своего предмета.

Пропустимъ всю первую часть книги Г-на Плаксина, ибо какъ введеніе, такъ и взгляды на Литтературы чужеземныя, не отличаются у него ничѣмъ, достойнымъ упоминанія. Обратимся къ предмету болѣе занимательному и важному для насъ Рускихъ: къ Исторіи нашей Литтературы.

Г-нъ Плаксинъ начинаетъ ее опредѣленіемъ Русскаго характера и образованія первоначальныхъ идей. Это показываетъ уже, что онъ глядитъ на свой предметъ, въ историческомъ отношеніи, съ высокой точки зрѣнія. Здѣсь можно не соглашаться съ нѣкоторыми его выводами, но не льзя не отдать справедливости его основаніямъ. Такъ намъ кажется, напримѣръ, слишкомъ исключительнымъ мнѣніе его, что народы Европейскаго Запада всѣ подверглись вліянію внѣшняго, чуждаго образованія; надобно было-бы прибавить, что каждый изъ нихъ преобразилъ это вліяніе по своему; доказательствомъ тому служатъ Литтературы: Испан-

ская, Англійская, Французская и Итальянская. Да гдѣ-же и не было этого? Какой народъ образовался безъ чуждаго вліянія? Дѣло въ томъ, что каждый прибавлялъ нѣчто свое къ чужому, и въ указаніи на это состоитъ Исторія образованности. Покажешь чуждые элементы, имѣвшіе вліяніе на какой-либо народъ, и трудъ преобразованія сихъ элементовъ — вотъ задача Историка. Г-нъ Плаксинъ говоритъ сначала о природѣ Русской; потомъ о нашемъ Баснословіи, котораго, замѣтимъ мимоходомъ, у насъ вовсе не было. Нѣсколько занесенныхъ съ чужбины именъ не составляютъ еще Баснословія; повѣрья не вѣрованіе, долженствующее имѣть полную систему. Слѣдующая глава посвящена краткому изложенію всего хода нашей Литтературы, въ отношеніи къ языку. Наконецъ, Авторъ раздѣляетъ Исторію Русской Литтературы на четыре, уже совершившіеся періода: I-й, Языческая Литтература; II-й, Преобладаніе Христіанской Литтературы передъ Языческою; III-й, Учено-Богословское направленіе Литтературы; IV-й, Классическая Словесность.

Довольно странно видѣть такое раздѣленіе въ Литтературѣ, еще не существующей! Будемъ вѣрны убѣжденію нашему, которое подтверждаетъ и Г-нъ Плаксинъ, говоря о Русской Литтературѣ еще въ будущемъ (стр. 60-я и 68 — 69-я); будемъ называть Литтературою полное выраженіе эпохи въ жизни какого либо народа, и спросимъ: отъ чего родилось вышеозначенное раздѣленіе подъ перомъ писателя мыслящаго? Отъ смѣшенія Исто-

рiи Русскаго народа съ его Литтературою. Г-нъ Плаксинъ не вспомнилъ, что какъ человѣкъ, такъ и народъ можетъ прожить нѣсколько перiодовъ жизни, безъ всякаго выраженiя умственнаго своего бытiя. Въ немъ будутъ признаки, будутъ даже нѣкоторыя явленiя способности выражать умъ, душу, чувство; но это мгновенiя во времени, это кольца, не связанныя въ неразрывную цѣпь, не имѣющiя никакого соединенiя, не выражающiя никакой полной мысли. И поденьщикъ, и пахарь, и солдатъ поютъ, плачутъ, смѣются — но это-ли выраженiе жизни ихъ? Такъ Русскiй народъ, искони могучiй, готовый ко всему великому, только по временамъ, урывками, обращался къ Литтературѣ, но не оставилъ почти никакихъ памятниковъ въ ней. *Пѣснь о Полку Игоревомъ* есть единственный слѣдъ нашей древней Литтературы, а Г-нъ Плаксинъ составляетъ изъ этого цѣлые два перiода Литтературы! Въ нихъ означаетъ онъ многое; но принадлежатъ-ли къ Литтературѣ духовныя книги, государственные договоры, или пословицы, повѣрья и преданiя? Къ тому-же, многiя изъ сихъ послѣднихъ не такъ древни какъ полагаетъ Авторъ. Лѣтописи также не Литтература, хотя онѣ составляютъ важнѣйшiй памятникъ нашей письменности и содержатъ въ себѣ иногда поэтическiе отрывки. Не почитаемъ ихъ Литтературою потому, что требованiя этого слова не удовлетворяются бѣдными обломками нашей письменности. Можетъ быть, когда съ Рюрикомъ шли его Берсеркеры, тогда берега

Волхова и Днѣпра оглашались дивными пѣснопѣніями; но эти пѣснопѣнія не дошли до насъ; а если-бы и дошли, то принадлежатъ-ли они къ *Русской* Литтературѣ? Кажется, не льзя не сказать: нѣтъ. Но гдѣ-же границы, отдѣляющія Русскую Литтературу отъ Нордманнской, древней Церковной, и потомъ Монастырской — и все еще не Русской? Границы сіи назначаетъ сама Исторія. Когда Русскій народъ дѣйствительно составилъ государственное тѣло? Когда онъ пересталъ представлять толпу разнохарактерныхъ удѣльныхъ владѣній? Около шестнадцатаго столѣтія. И такъ, вотъ чѣмъ ограничивается Исторія Русской Литтературы. Но и тутъ, скоро-ли дошли мы до первыхъ начатковъ! Едва въ осмнадцатомъ вѣкѣ появляется чистый Русскій языкъ, и едва съ XIX-го вѣка начинаемъ мы понимать себя и жить литтературно, ибо Литтературу образуетъ цѣлый народъ, а не дюжина писателей, образовавшихся чужимъ умомъ и чужеземными книгами. Анахарсисъ одинъ не могъ создать Скиѳской Литтературы.

Все изложенное здѣсь можетъ показать, что мы отнюдь не раздѣляемъ мнѣнія Г-на Плаксина о періодахъ Русской Литтературы. По нашему мнѣнію, они придуманы, а не извлечены изъ сущности предмета.

Сужденія о писателяхъ суть дѣло вкуса. Но возрѣніе на значительность главныхъ дѣятелей бываетъ, болѣе или менѣе, слѣдствіемъ про-

свѣщенія. Въ этомъ отношеніи намъ пріятно указать на прекрасныя сужденія Г-на Плаксина о Ломоносовѣ, Державинѣ и особенно Карамзинѣ. Никто еще не говорилъ о семъ послѣднемъ съ такимъ безпристрастіемъ, съ такою благородною откровенностью! Издатель Телеграфа выдержалъ много нападеній за подобный образъ мыслей о Карамзинѣ; желаемъ, чтобы Г-нъ Плаксинъ не подвергся подобной участи. Но такъ-то истинныя мнѣнія распространяются, незамѣтно, тихо, но неуклонно! Сколько уже голосовъ подано теперь противъ прежняго, безусловно-похвальнаго мнѣнія о Карамзинѣ? Это признакъ, что настаетъ время истинной Критики, когда умѣютъ воздавать должное заслугѣ, и въ то-же время не хотятъ, не могутъ обременить самаго славнаго имени похвалою незаслуженною.

Издатель Телеграфа долженъ благодарить Г-на Плаксина лично за себя, видя самый лестный его отзывъ о романѣ: *Клятва при Гробѣ Господнемъ*. Но пишущій строки сіи изумляется смѣлости Г-на Плаксина: какъ не боится онъ нашихъ Аристарховъ, хваля Полеваго и находя Карамзина не во всемъ геніяльнымъ? Шутки въ сторону: независимость мнѣній Гна Плаксина даетъ намъ право надѣяться, что онъ не посѣтуетъ на нѣкоторыя мнѣнія нашей статьи. Можетъ быть они ошибочны; но мы писали ихъ вслѣдствіе собственнаго убѣжденія, а за это можно извинить многое.

— *Повѣсти и Разсказы Петра Сумарокова.* 3 части. М. 1833. Въ т. Лазаревыхъ Института Восш. языковъ. XXI, 313,337 и 316 стр. in-12 (*).

До сихъ поръ, имя П. П. Сумарокова было извѣстно публикѣ только по Журналамъ и Альманахамъ, гдѣ-помѣщались его Повѣсти и Стихотворенія. Но вотъ онъ бьетъ челомъ вдругъ тремя томами, гдѣ, правда, не много бывшаго ненапечатаннымъ, но гдѣ и старое и новое пріятно читать и перечитать. Нѣкоторыя изъ Повѣстей Г-на Сумарокова были помѣщены въ Телеграфѣ, и вѣрно читатели наши, а еще болѣе читательницы, съ удовольствіемъ вспоминаютъ о *Кокетствѣ и любви*, о *Кольцѣ и запискѣ*. Г. Сумароковъ, наслѣдникъ, по прямой линіи, самаго извѣстнаго въ Русской Словесности имени, отличается въ сочиненіяхъ своихъ совсѣмъ не тѣмъ, что составляло отличительный характеръ сочиненій А. П. Сумарокова, и даже Панкратія Пл. Сумарокова, которые оба были страдальцы своей пылкости и въ жизни и въ Литературѣ. Молодой наслѣдникъ ихъ, напротивъ, одушевляется въ каждомъ изъ своихъ произведеній какою-то тихою, чрезвычайно милою философіею, которая заставляетъ его съ веселой стороны глядѣть на дурачества людей, но не мѣшаетъ ему усматривать и достоинства удивительной ихъ природы, гдѣ вѣрность и измѣна, любовь и ненависть,

---

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 15 рубл. за экземпляръ.

умъ и глупость, смѣшаны самымъ поэтическимъ образомъ, самымъ привлекательнымъ для романиста, и даже для наблюдателя. Канва превосходная, и такая нескончаемая, что ея доспанетъ до тѣхъ поръ, пока люди будутъ жить и слѣдственно писать! И сколько пишутъ они! Право, ужъ очень много! И это было-бы очень кстати, если-бы писали хорошо, умно, съ чувствомъ, съ душой, потому что читателей въ тысячи разъ болѣе нежели писателей. Для читателя, хорошая книга есть истинный подарокъ, и вотъ почему за долгъ почитаемъ мы рекомендовать любителямъ пріятнаго чтенія— *Повѣсти и Разсказы П. Сумарокова.*

Мы уже сказали, что этотъ писатель смотритъ на свѣтъ и на жизнь взоромъ веселымъ, проницательнымъ; прибавимъ, что онъ часто одушевляется помышленіями истинно поэтическими, можетъ быть самъ не подозрѣвая того, потому, что всегда почти говоритъ онъ отъ своихъ лицъ, а не отъ самого себя. Особенно въ женскихъ фигурахъ его много чувства. Можно замѣтить, что онѣ часто сбиваются у него въ излишній романизмъ, въ идеальность чувства; но это совсѣмъ не недостатокъ, потому что развѣ мало женщинъ съ романическою головою? А особенно въ провинціяхъ! О, вы вѣрно не знаете милыхъ, молоденькихъ провинціялокъ, этихъ живыхъ Ташьянъ *Онѣгина*, которыя не читая ни Байрона, ни Гюго, часто въ дѣйствительности бываютъ тѣмъ, или по крайней мѣрѣ лелѣютъ въ сердцахъ своихъ то, что названные нами поэты выражаютъ въ своихъ безсмертныхъ кар-

шинахъ. Г. Сумароковъ, можетъ быть, наглядѣлся на деревенскихъ романистокъ нашихъ, и потому рисуетъ ихъ очень удачно. Особеннымъ достоинствомъ его разсказовъ почитаемъ мы простодушіе. Да! Мм. Гг., простодушіе въ писателѣ совсѣмъ не такое простое свойство, какъ думаютъ многіе. Оно есть слѣдствіе свѣтлаго ума и чистой души, на которой всѣ предметы отражаются въ истинномъ ихъ видѣ; а гдѣ истина, тутъ нѣтъ ни чванства, ни хвастовства, ни скрытности. Писатель простодушный есть писатель умный, который говоритъ съ вами какъ думаетъ, разумѣется облекая только въ общепринятыя формы разговоръ свой. Пріятно, весело и даже поучительно разговаривать съ такимъ человѣкомъ.

Но довольно объ общихъ свойствахъ Автора *Повѣстей и Разсказовъ*. Перейдемъ къ Повѣстямъ его. Вотъ ихъ заглавія: *Предубѣжденіе— Колодецъ— Кокетство и любовь— Интересная незнакомка— Кольцо и записка— Вечеръ передъ свиданьемъ*. Къ этому прибавлены: *Письма съ Кавказа*, и *Предисловіе*, исполненное самаго умнаго простодушія, вообще господствующаго въ сочиненіяхъ Г-на Сумарокова. Нѣкоторыя изъ Повѣстей его напечатаны въ первый разъ. Не пересказывая содержанія каждой изъ нихъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ укажемъ на *Предубѣжденіе*, на *Кокетство и любовь*, на *Вечеръ передъ свиданьемъ*, на *Кольцо и записку*. Вотъ истинный родъ, въ которомъ, по нашему мнѣнію, долженъ писать Г. Сумароковъ. Тихія чувства, деревенскіе нравы помѣщиковъ, любовь ихъ дочекъ

и сынковъ — таковъ міръ, повинующійся ему. Иногда, вмѣстѣ съ своими героями, онъ возвышается и до чувствъ, до страстей болѣе глубокихъ, ибо гдѣ человѣкъ, тамъ и страсти. Но вообще, ему не надобно быть неблагодарнымъ къ своему міру, не надобно оставлять его для такихъ предметовъ, какой, напримѣръ, служитъ основою повѣсти: *Колодецъ*.

Мы должны еще сказать о слогѣ Автора. Немногіе изъ Русскихъ Литтераторовъ пишутъ такъ легко, правильно, сладкозвучно. Мы не имѣемъ надобности приводить для этого примѣровъ, потому что наши читатели знаютъ Г-на Сумарокова по нѣкоторымъ изъ его сочиненій, напечатаннымъ въ Телеграфѣ. Надѣемся, что и въ нынѣшнемъ году изданіе наше обогатится новыми его произведеніями, и для этого желаемъ любезному Автору досуга и вдохновенія.

Книга его напечатана красиво, на бѣлой бумагѣ; есть опечатки, но тому причиной было, вѣроятно, отсутствіе Автора. Кто испыталъ, что значитъ въ Россіи печатать книги *за-глазно*, тотъ не осудитъ его за нѣсколько словъ, напечатанныхъ неправильно.

—MMMCDXLVIII годъ. Рукопись Мартына Задека. Сочин. Вельтмана. Три частіи. М. 1833 г. 179,198 и 204 стр. in-12 (*).

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 12 рубл. за экземпляръ.

Много было уже примѣровъ, что поэты и прозаики переносили дѣйствія своихъ сочиненій въ будущее время. Кромѣ книги Мерсье, кромѣ *Послѣдняго человѣка* (Англійскаго романа), мы помнимъ прекрасный опытъ, нѣкогда появившійся на Русскомъ языкѣ, подъ именемъ *Европейскихъ писемъ*. Но Г-нъ Вельтманъ, кажется, не имѣлъ въ виду идей, какія хотѣли выражать всѣ другіе сочинители, переносившіе дѣйствія своихъ лицъ въ будущее время. Его 3448-й годъ совершенно походитъ на нынѣшній 1834-й годъ: люди тѣже, страсти тѣже, глупости людей и страстей тѣже. Для чего-жь странное названіе книги? Для чего перенесеніе дѣйствія на 1614 лѣто впередъ? Не знаемъ, и думаемъ, что умному человѣку позволено иногда шалить: Вельтманъ шалитъ—вотъ вся причина, и—весьма сильная причина!

Не имѣя никакого права разгадывать тайной мысли Сочинителя, можемъ однакожь, для объясненія самимъ себѣ его творенія, предполагать, что мысль глубокую, въ обширнѣйшемъ планѣ, хотѣлъ здѣсь развить Сочинитель. Онъ воображаетъ себѣ сильное Славянское царство на берегахъ Босфора; Турки прогнаны въ Африку; весь видъ Европы измѣнился; въ Босфорѣ царствуетъ юный, мудрый Царь Іоаннъ. Съ другой стороны является Эолъ, начальникъ сильныхъ морскихъ разбойниковъ. Идея въ немъ заключенная превосходна: воспитатель хотѣлъ пересоздать въ немъ человѣка; изъ раба страстей и природы, сдѣлать его царемъ ихъ. Что-же сдѣлалось изъ Эола? Начальникъ

пиратовъ. «Зови людей на помощь людямъ — они не пойдутъ; зови ихъ на гибель себѣ подобныхъ — они готовы, и не спросятъ тебя: для чего ты дѣлаешь зло, и кто далъ тебѣ право на злодѣянія.— Но дѣло не мысль. — О! если-бы величіе предпріятія не рабствовало передъ ничтожными обстоятельствами! Воображая взлетѣть на высоту— я упалъ, *чтобы* не вставать. Обстоятельства возстали на меня: какъ насѣкомое, я запутался въ паутинѣ.»— Вотъ основаніе характера Эолова.

Спрашиваемъ: чего не льзя было развить изъ Іоанна и Эола, воображая ихъ живущими черезъ 1600 лѣтъ послѣ нашего времени?

Но, или огромность идеи испугала Автора, или онъ не могъ развить ея по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, только *рукопись Мартына Задека* кажется намъ огромными подмостками вокругъ небольшаго зданія.

Вся завязка романа заключена въ удивительномъ сходствѣ лица Іоаннова съ Эоловымъ. Пиратъ похищаетъ Іоанна, увозитъ его на свой островъ, а самъ заступаетъ его мѣсто. Для чего? Онъ самъ не отдаетъ въ этомъ отчета; хочетъ жениться безъ страсти на дочери одного стараго вельможи; измѣняетъ порядокъ дѣлъ. Между тѣмъ, Іоаннъ спасенъ отъ гибели случайными обстоятельствами. Развязка кажется намъ вовсе неестественною. Мы не хотимъ лишить удовольствія читателей нашихъ узнать ее изъ самаго романа.

Подробности многія прекрасны: каррикатурныя изображенія Царедворцевъ Іоанна; битва разбойниковъ и вообще плаваніе ихъ съ Іоанномъ (во II й части); нѣкоторыя сцены въ убѣжищѣ разбойниковъ; наконецъ изображеніе Босфоранской гостинницы и приходъ товарищей къ Эолу (въ III-й части) отдѣланы мастерски.

Но общность, повторяемъ, неудовлетворительна: это все равно, что отрывки изъ какого нибудь огромнаго музыкальнаго сочиненія, по которымъ не льзя судить о цѣломъ, хотя каждый отрывокъ, отдѣльно взятый, показываетъ дарованіе сочинителя.

— *Синтаксисъ Греческаго языка*, по руководству Векгерлина, изданный С. И.— М. 1833 г. въ т. Унив., 155 стр. in-8.

Подобные труды можно назвать безкорыстными въ нашей Литтературѣ: ихъ не кому ни читать, ни оцѣнить, ни купить. Тѣмъ достойнѣе уваженія такіе труды, и Г-нъ Ивашковскій, почтенный Профессоръ Греческаго языка при Моск. Унив., конечно, въ самомъ исполненіи своей обязанности видѣлъ всю свою награду. Мы слышали, что огромный, давно начатый печатаніемъ трудъ его: *Словарь Греко-Россійскій*, приходитъ теперъ къ окончанію. Онъ остановился за кончиною Г-на Зосимы, принимавшаго на себя всѣ издержки изданія. Теперь препятствія устранены, и трудолюбіе почтеннаго Г-на Ивашковскаго дополнитъ въ нашей Литтературѣ ощутительный недостатокъ Словаря Греческаго.

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Исторія Атридовъ была неисчерпаемымъ источникомъ для поэтовъ, которые представляли почти всѣ ея событія, во всѣхъ возможныхъ видахъ. Въ наше время, кто рѣшится избрать предметомъ драмы смерть Агамемнона, когда у насъ подъ руками сотни своихъ героевъ, умерщвленныхъ не меньше трагически! Но прежде.... и давно-ли было это *прежде!* За десять, за пятнадцать еще лѣтъ, *безъ Грековъ не было спасенья!* Въ эту-то пору несамобытнаго Классицизма, и Живопись брала съ особеннымъ стараніемъ предметы изъ древней, а не изъ новой Исторіи. Геренъ, одинъ изъ лучшихъ живописцевъ современной Франціи, избралъ для своей картины, которая была на выставкѣ 1817 года, *Клитемнестру*, идущую убить супруга своего Агамемнона. Онъ представилъ Царя Царей, въ сладостномъ спокойствіи спящаго подлѣ трофеевъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ Троѣ. Клитемнестра, побуждаемая Эгистомъ, держитъ въ рукѣ кинжалъ, который долженъ поразить ея супруга. Но все показываетъ, какъ трудно совершить ей злодѣяніе. Она готова

остановиться при самомъ входѣ въ комнашу Агамемнона, и, кажется, омраченный преступленіемъ умъ не повинуется ей — но гнусный Эгистъ насильно толкаетъ ее впередъ. Еще шагъ, и злодѣяніе совершится.

Не льзя не отдать должной хвалы художнику; но въ картинѣ его вообще господствуетъ какая-то принужденность — неизбѣжное свойство произведеній Классическихъ. Сверхъ того, намъ кажется, что лицо Эгиста не должно выражать смущенія, страха; а въ немъ выражены эти чувства, и, что всего страннѣе, тоже самое видно и въ лицѣ Клитемнестры. Физіогномія Эгиста, напротивъ, должна была-бы носить на себѣ отпечатокъ смѣлости злодѣянія: онъ мужчина и рабъ, желающій погубить своего властителя, чтобы потомъ вступить въ его права.

Картина сія почитается однимъ изъ лучшихъ произведеній Герѐна, какъ по мысли, такъ и по исполненію. Она хранится въ Люксанбургской галлереѣ. Съ нея былъ снятъ эстампъ Альфредомъ Жоанно. Вышина ея 10 футовъ 6 дюймовъ, ширина 9 фут. 9 дюймовъ.

— *Историческая поправка замѣчанія къ Русской народной пѣснѣ.* — Изъ Альманаха: *Денница*, изданнаго на сей 183¼-й годъ М. А. Максимовичемъ, мы узнали справедливость слуха, что П. В. Кирѣевскій занимается собраніемъ *Русскихъ народныхъ*

пѣсенъ. Г-нъ Кирѣевскій помѣстилъ въ *Денницѣ* пять пѣсенъ изъ своего собранія, уже приготовленнаго имъ къ печати. Все это весьма порадовало насъ. Видимъ, что пѣсни тщательно списаны, что сохранена въ нихъ вся народная простота; видно, что Г-нъ К. хочетъ издать ихъ критически, и хорошо понимаетъ свое дѣло. *Историческія*, или *былевыя* пѣсни, кажется, предполагаетъ онъ пояснить замѣчаніями. Предпріятіе весьма доброе; но желательно, чтобы замѣчанія и поясненія были составлены тщательнѣе того, какое, вѣроятно, для образчика, помѣщено при одной изъ пѣсенъ въ *Денницѣ*.

Пѣсня эта сочинена, по предположенію Г-на К., *на осаду Пскова* Королемъ Польскимъ Стефаномъ Баторіемъ, въ 1581-мъ году. Ее поютъ въ Сызрани; тамъ списалъ ее извѣстный Русскій поэтъ Н. М. Языковъ, и прислалъ къ Г-ну К. — Догадка Г-на К. объ Историческомъ происхожденіи сей пѣсни, основывается на томъ, что въ ней сначала говорится объ осадѣ Пскова (Опскова) *Королемъ* — какимъ? — не сказано, ибо Король этотъ названъ только *собакою* (копилъ Король силушку, копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ). Но слѣдующее за тѣмъ останавливаетъ Г-на Кирѣевскаго, ибо дѣйствіе въ пѣснѣ вдругъ переходитъ къ какому-то *Волоку*; упоминается какой-то воевода *Семенъ Карамышевъ*; съ Польской стороны являются *Королевичъ*, *Гетманъ Хоткевичъ*; съ Русской *Донскіе Казаки*; говорится о *солдатахъ*, о *ротахъ*; а всего этого не могло быть во времена Баторія. При-

шомъ совсѣмъ не упоминаются въ пѣснѣ имена Русскихъ воеводъ, защищавшихъ Псковъ въ 1581-мъ году. Г-нъ К. изъясняетъ однакожь, что Русскіе пѣсельники иногда своевольно приставляли отъ себя подробности, вставляли имена и подновляли пѣсни. Примѣры этого многочисленны, и нерѣдко анахронизмы заставляютъ почитать старую пѣсню новою.

Предположеніе Г-на Кирѣевскаго справедливо и изъясненія его остроумны; но для пѣсни, имъ изъясняемой, они не годятся, ибо сія пѣсня отнесена имъ совсѣмъ не къ надлежащему ея времени.

По нашему мнѣнію, она относится *не къ осадѣ Пскова въ 1581-мъ году*, а къ происшествіямъ 1612-го года, когда Сигизмундъ III-й, послѣ разбитія Хоткевича Мининымъ и Пожарскимъ, въ Августѣ, подъ Москвою, приходилъ въ Россію. Онъ приступалъ тогда къ Горѣлому Городищу, посылалъ уговаривать Москву, и жестоко осаждалъ потомъ *Волокъ* Ламскій, который защищали воеводы *Карамышевъ* и Чемезовъ. Недостатокъ припасовъ, малочисленность войска, смятенія въ Польшѣ и мужество воеводы Карамышева, заставили Сигизмунда отложить свои предпріятія, и поспѣшно уйдти изъ Россіи. Это событіе праздновали Русскіе, какъ великую побѣду, и народная пѣсня могла передать достопамятное преданіе объ оной памяти народной.

Кажется, наше изъясненіе удовлетворительно, ибо имъ объясняется: какимъ образомъ зашли въ

пѣсню *Королевичъ* (Владиславъ), *Хоткевичъ*, *Вороничъ* (храбрый наѣздникъ Польскій), *Волокъ*; и наконецъ, почему героемъ пѣсни является *Карамышевъ*, а не И. П. Шуйскій, спасшель Пскова въ 1581-мъ году?

Почему-же пѣсня начинается подступленіемъ Короля подъ Псковъ, и походомъ его черезъ Полоцкъ и Великія Луки? Г-нъ К. замѣчаетъ, что въ пѣснѣ видѣнъ *перерывъ*; послѣ словъ оной: *мечитесь скоро въ зелены луга, въ зелены луга Государевы*, вдругъ находимъ неожиданный переходъ къ Волоку. Увлеченный мыслію, что вся пѣсня касается осады Пскова, Г-нъ К. предполагаетъ здѣсь только пропускъ. Намъ кажется напротивъ, что здѣсь смѣшаны простолюдинами двѣ разныя пѣсни, изъ конхъ *начало второй*, объ *осадѣ Волока*, потеряно. Другая-же пѣсня, продолжающаяся до вышеозначеннаго перерыва, вѣроятно, *утратила окончаніе*. Она могла относиться къ осадѣ Пскова, или Баторіемъ въ 1581 году, или, что кажется намъ вѣроятнѣе, Густавомъ Адольфомъ въ 1615-мъ году. Сія послѣдняя осада Пскова знаменита не менѣе Баторіевской. Но наши Литтераторы, Поэты и даже многіе Историческіе изслѣдователи не знаютъ ея, ибо она не попала въ сочиненіе Карамзина, а свѣдѣнія многихъ далѣе книги Карамзина не простираются; хотя давно-бы пора догадаться, что прочитавъ Ист. Гос. Росс., мы не получаемъ полнаго познанія въ Исторіи Отечественной, даже и о томъ времени, которое успѣлъ описать Карамзинъ.

— *Объ изданіи Русской Библіотики при Телеграфѣ.* — Нѣкоторые изъ почтенныхъ Подписчиковъ Телеграфа спрашивали Издателя: когда выйдетъ *первый* томъ *Русской Библіотики*, слѣдующій къ Телеграфу 1833 года? Издатель можетъ повторить только то, что сей томъ печатается; около 20-ти листовъ его напечатано; остальные кончатся въ непродолжительномъ времени (всего будетъ 25-ть листовъ). Содержаніе сего тома, полагаемъ, будетъ довольно любопытно и разнообразно. Въ немъ помѣщены: *Дѣла изъ Албазинскаго Архива* — *Граматы, собранныя въ Курскѣ* — *Грамата Іоанна Грознаго, Новгородскому Архіепископу Леониду* — *Грамата Лжедимитрія въ Курмышъ* — *Уставная Грамата Царя Михаила о таможенныхъ пошлинахъ* — *Память приставамъ, назначеннымъ для смотрѣнія въ Москвѣ за печеніемъ и продажею хлѣба*, 1624 года — *Грамата Петра Великаго*, или заграничный паспортъ, какой давали отправляемымъ отъ него за границу, для обученія, Русскимъ Дворянамъ, на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ — *Граматы и акты Литовскіе*: Симеона-Лугвенія, Свидригелла, Казиміра — *Договоръ Казиміра Короля Польскаго съ Новгородомъ* — *Переговоры Казиміра съ Псковитянами* — *Выписки изъ Варшавскаго Коронаго Архива*: драгоцѣнныя свѣдѣнія, касательно войны между Россіею и Польшею, во времена малолѣтства Іоанна Грознаго — *Граматы* и *Наказы*, собранные Г-мъ Сахаровымъ въ Тулѣ; наконецъ письма Суворова, литтерашурные, Русскіе, старинные отрывки, и другія статьи. Книга украсится снимкомъ съ подписей Патріар-

ховъ Московскихъ и печатей ихъ. — *Второй* томъ Вивліоѳики, который будетъ *(также безъ всякой особенной платы)* разосланъ Г-мъ Подписчикамъ на Телеграфъ 1834 года, заключитъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ драгоцѣнностей. Но дабы разнообразить содержаніе его прочитъ перваго, въ немъ не будутъ печатаны граматы и акты: онъ составится изъ разныхъ особенныхъ статей, доныне вовсе неизвѣстныхъ Русской публикѣ, или находящихся въ рукописи у немногихъ. Издатель Телеграфа получилъ отъ почтенныхъ любителей Отечественныхъ Древностей, и самъ приготовилъ для *втораго* тома *Вивліоѳики* слѣдующее: *Путешествіе Даніила Паломника въ Палестину*, въ XII-мъ вѣкѣ, древнѣйшее Русское извѣстіе объ Іерусалимѣ — *Путешествіе Никона Митрополита*, бывшаго потомъ Патріарха, за мощами Св. Филиппа въ Соловецкій монастырь — переводъ *Эймундовой Саги*, изданной Датскимъ Королевскимъ Обществомъ изслѣдователей Сѣверныхъ Древностей, и содержащей въ себѣ событія временъ Ярослава — *Описаніе событій въ Россіи, составленное самимъ Гетманомъ Жолкевскимъ*, который убѣдилъ Русскихъ признать Владислава Царемъ въ 1610-мъ году (взято изъ Польской рукописи, бывшей доныне вовсе неизвѣстною) — *Дневникъ Сапеги*, находившагося въ Россіи при Тушинскомъ Самозванцѣ, и осаждавшаго Троицко-Сергіевскую Лавру — переводъ весьма рѣдкой брошюрки о Димитріи Самозванцѣ, извѣстной подъ именемъ *Легенды о Самозванцѣ* (см. Ист. Г. Р. Карамзина т. XI, прим. 372) — *Житіе Св. Бориса и Глѣба*, приписываемое

Преподобному Нестору (доставлено отъ Его Высокопреосвященства Митрополита Евенія) — *Переводъ книги: The Russian Impostor*, или описаніе событій въ Россіи, изданное въ Лондонѣ, въ 1674 году. Кромѣ того будутъ многія другія статьи, о важности коихъ читатели могутъ судить по исчисленнымъ здѣсь. — Каждый томъ *Вивліоѳики* будетъ продаваться и *отдѣльно отъ Телеграфа*, по самой умѣренной цѣнѣ, ибо цѣль Издателя Телеграфа при составленіи Вивліоѳики состоитъ только въ томъ, чтобы доставить всѣмъ любителямъ Древностей Отечественныхъ средство имѣть въ рукахъ рѣдкіе и любопытные памятники отечественной старины, остававшіеся донынѣ неизвѣстными, изъ числа коихъ нѣкоторые и совершенно могли погибнуть, сохраняясь въ немногихъ ветхихъ спискахъ, по архивамъ и въ частныхъ рукахъ.

— *Отрывокъ письма изъ Санктпетербурга, въ Декабрѣ 1833 года.* — Сегодня былъ я у моего старинаго пріятеля К. А. Тона, который нынѣ почитается однимъ изъ лучшихъ архитекторовъ въ Россіи, и извѣстенъ во всей Европѣ. Онъ пріобрѣлъ себѣ почетное имя еще путешествуя по Италіи. Будучи въ Римѣ, К. А. провелъ нѣсколько лѣтъ въ разсматриваніи развалинъ древнихъ Цезарскихъ дворцовъ, и, прочитавъ все, что есть о нихъ въ современныхъ имъ писателяхъ, издалъ чертежи сихъ громадъ въ томъ видѣ, въ какомъ, по всѣмъ

вѣроятностямъ, были онѣ во времена величія Римлянъ. Онъ подарилъ меня экземпляромъ сего важнаго труда. При разсматриваніи многихъ другихъ его произведеній, вниманіе мое особенно обратилось на Высочайше утвержденные планы, предполагаемаго къ сооруженію въ Москвѣ, храма Христа Спасителя. Со времени просвѣщенія Россіи Христіанствомъ, всѣ наши церкви строили и строятъ въ подражаніе чужеземцамъ, Византійцамъ, Итальянцамъ. Нѣкогда въ Кремлѣ Москвы, Русскіе начинали образовывать свою архитектуру церквей, въ которой было много прекраснаго, высокаго, но много лишняго и, разумѣется (вспомните вѣкъ) не-изящнаго. Надлежало очистить, усовершенствовать, изобрѣсть, т. е. творчески возсоздать начатой когда особенный родъ нашей церковной архитектуры. Тонъ это сдѣлалъ. Его новая церковь Спасителя будетъ безъ колоннадъ, и даже вовсе безъ колоннъ, безъ пилястровъ, безъ всѣхъ украшеній извѣстныхъ пяти Орденовъ, безъ статуй, безъ барельефовъ, и — поздравляю васъ — будетъ прекрасна! Равносторонняя, по 38-ми саженъ въ каждой стѣнѣ, свободно вмѣститъ она въ себѣ 5,000 человѣкъ. Куполъ ея будетъ 12-ть саженъ въ поперечникѣ и 25-ть вышины отъ помоста церкви. Издержки на сооруженіе предполагаются свыше 12,000,000 рублей.

Г-нъ Тонъ строитъ уже по новой, созданной имъ архитектурѣ, небольшую церковь Св. Великомученицы Екатерины въ Петербургѣ. Онъ прекрасно передѣлалъ въ Академіи Художествъ двѣ

огромныя аптичныя галлереи, конференціонный залъ и библіотеку, которой Государь изволилъ подарить богатѣйшее собраніе эстамповъ въ книгахъ, оставшихся послѣ Его Высочества Константина Павловича въ Варшавѣ. Изъ Россійскихъ Монарховъ еще никто не занимался Художествами подобно Николаю I-му. Онъ смотритъ самъ черновые эскизы и ѣздитъ запросто, совершенно одинъ, въ мастерскія художниковъ, особенно къ Орловскому, который теперь дѣлаетъ Ангела на Александровскую колонну, и занимается памятниками Кутузову и Барклаю Де-Толли. Кутузовъ уже отлитъ изъ бронзы, а Ангелъ — колоссъ въ 7-мъ аршинъ — только отдѣланъ изъ глины. За эту модель платится 15,000 рубл. — Дорогою изъ Академіи, ѣдучи мимо Фалконетова Петра Великаго, я вспомнилъ, что въ Парижѣ какой-то Полковникъ, прямой Французъ, послѣ торжественнаго открытія монумента Людовику XV-му, проходя со своимъ полкомъ мимо статуи Генриха IV-го, приказалъ экспромтомъ преклонить знамена, сказавъ: «Ceci vaut bien l'autre (одинъ стоитъ другаго).»

По обѣщанію моему, должно-бы начать теперь говорить съ вами о Петербургскомъ Театрѣ: но сей обширный предметъ до другаго раза. — Скажу лучше, въ дополненіе того, что говорилъ я о К. А. Тонѣ, что Государь Императоръ изволилъ опредѣлить, чтобы впредь всѣ Греко-Россійскія церкви строились по вновь усовершенствованной имъ Томъ Русской церковной архитектурѣ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Au bal du château on remarquait généralement que les jeunes personnes portaient des diadêmes de fleurs, et que leurs manches n'étaient point garnies de sabots de blonde.

La princesse Marie était mise on ne peut plus simplement. Elle portait une robe de mousseline blanche, sans fleurs ni rubans de couleur. Dans ses cheveux se détachait un rang de perles, dont le milieu était marqué par une poire qui tombait sur le front.

Beaucoup de femmes avaient le corsage de leurs robes bordés d'une ligne de fleurs, ces fleurs se retrouvaient dans les bouillons des manches.

Les manches sont généralement à trois bouillons, sans manchettes de blonde.

Comme robes de soirées, on porte cet hiver une charmante étoffe demi-habillée. Ce sont les satins d'Alger damasquinés. Les blancs surtout sont d'une teinte vraiment ravissante. Les fleurs satinées, d'un blanc pur et brillant font ressortir le fond de laine, d'un blanc roux jaunâtre, qui sied parfaitement au visage. Les blondes et les rubans de satin ont une grande recherche et beaucoup d'éclat sur cette étoffe blanche, si élégante et si distinguée. On voit les mêmes robes en toutes couleurs. Celles de couleur foncée sont négligées. Celles de couleur claire doivent être d'une nuance très-tendre et très-douce ; une des plus jolies comme fantaisie est le vert anglais ou le vert pistache.

(*) Въ Парижѣ до 20 Января (н. ст.) 1834 г.

Парижскія моды.

Voici quelques ensembles de toilettes pour de jeunes personnes: une robe de gaze de soie rose, à dessous de satin; corsage drapé à la tyrolienne, manches courtes, à nœuds en rubans de satin-blonde, rose et blanc; une ceinture à longs pans, pareille; dans les cheveux une couronne à la rosière, en roses de haie; pour bijoux des perles.

Une robe de crêpe blanc, corsage garni de deux rangs de tulle, entre lesquels se trouvaient de petits flocons en rubans de satin bleu ciel, les manches courtes étaient garnies de même; sur la jupe traversait une très-légère guirlande de petites grappes bleues, qui formaient aussi la coiffure par une guirlande en spirale.

Une élégante toilette de femme: une jupe de dessous en satin blanc sur laquelle ouvrait une double jupe en crêpe, rattachée, en s'écartant vers le bas par des nœuds de satin; le corsage plat était garni d'une blonde plate, relevée au milieu à la Sévigné par une agrafe en camée; dans les cheveux des guirlandes à la Berthe en liseron de champs; pour bijoux une parure de camée.

На придворномъ балѣ вообще замѣтили, что молодыя особы были въ діадемахъ изъ цвѣтовъ, и что рукава у нихъ не были обшиты внизу блондовой оборкой (sabots).

Принцесса Марія была одѣта какъ не льзя проще: въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, безъ цвѣтовъ, и безъ цвѣтныхъ лентъ. Въ волосахъ у нея былъ рядъ жемчуга, по срединѣ котораго находилась кисть изъ того-же жемчуга и спадала на лобъ.

Парижскія моды.

У многихъ дамъ лифъ былъ убранъ полоской цвѣтовъ; такіе-же цвѣты были и въ буфахъ рукавовъ.

Рукава обыкновенно дѣлаютъ изъ трехъ буфовъ, безъ блондовыхъ оборокъ.

Нынѣшнею зимою дѣлаютъ платья для вечеровъ изъ чрезвычайно красивой и полу-нарядной ткани. Это Алжирскій (damasquiné) атласъ. Бѣлый особенно хорошъ. Бѣлые атласистые цвѣты, чистые и блестящіе, выказываютъ шерстяную ткань красно-желтоватаго цвѣта, который чрезвычайно къ лицу. Блонда и атласныя ленты очень нарядны и блестящи на этой прекрасной и отличной бѣлой ткани. Эти же платья дѣлаютъ всѣхъ цвѣтовъ. Темный цвѣтъ носятъ за-просто. Платья свѣтлыя должны быть чрезвычайно нѣжнаго и не яркаго оттѣнка. Одинъ изъ самыхъ красивыхъ, есть зеленый Англійскій или зеленый фисташковый.

Вотъ нѣсколько полныхъ нарядовъ для молодыхъ особъ: платье изъ шелковаго газа розоваго цвѣта, на атласномъ чехлѣ; лифъ драпированный (à la tyrolienne); коротkіе рукава съ бантами изъ атласно-блондовыхъ лентъ, розовыхъ съ бѣлымъ; поясъ съ длинными концами такой-же; въ волосахъ вѣнокъ (à la rosière) изъ розъ; вмѣсто драгоцѣнныхъ камней жемчугъ.

Платье изъ бѣлаго крепа; лифъ убранный тюлемъ въ два ряда, между которыми маленькія вштушки атласныхъ лентъ свѣтлоголубаго цвѣта; коротkіе рукава, точно такъ-же убранные; кругомъ платья чрезвычайно нѣжная гирлянда изъ маленькихъ голу-

быхъ кистей, которыя, виноообразною гирляндой составляли также уборку головы.

Модный нарядъ дамы: бѣлый атласный чехолъ, на которомъ двойная креповая юпка, раскрытая къ низу шире, и приколотая атласными банпами; лифъ гладкій, обшитъ гладко блондой; посредп его, па верху, пряжка à la Sevigné изъ камея; въ волосахъ гирлянда à la Berthe, изъ маленькихъ колокольчиковъ; вмѣсто дорогихъ каменьевъ, вдѣланный въ золото камей.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Платье креповое, убранное цвѣтами. Плащъ кашемировый, вышитый.

Мужчина. Суконный плащъ, обшитый бархатомъ и подбитый шелковою матеріею. Верхній сюртукъ суконный; жилетъ кашемировый.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 30 дня 1834 года.

Цензоръ и Кавалеръ Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Къ № 2 Моск. Телегр. 1834 г.

Въ Парижѣ 20 Января (н.с.) 1834 г.

сией въ отдѣльности, съ принадлежащими къ оной N°° Дополненій— *десять* рубл. Госуд. асс; за *четвертую* часть отдѣльно — *двадцать* рубл. Госуд. асс.

Безъ подписки — за каждый N° отдѣльно *два* рубля.

За пересылку прилагается за каждый N° *сорокъ* коп.; а за все изданіе вмѣстѣ—*пять* рублей Госуд. асс.

Особы, желающія выписать сіе изданіе, могутъ адресоваться и къ самому Издателю, Кандидату Измаилу Ивановичу *Срезневскому*, или въ книжные магазины Ав. Сосе, А. В. Вишковской, и въ книжную лавку Григорья Монастырскаго, въ Харьковъ.

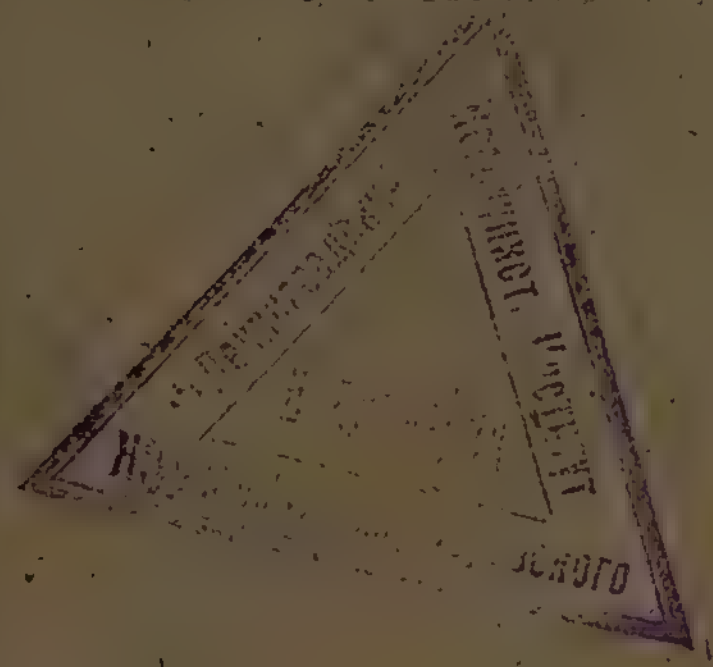
Отъ него можно получать и—Словацкія пѣсни. Харьковъ. 1832. 16. Цѣна—*три* рубли Госуд. асс.

тоскал поправка заимствованія къ Русской народной пѣснѣ — Объ изданіи Русской Виліоѳики при Телеграфѣ — Отрывокъ письма изъ С. Петербурга)..... 334.

Парижскія моды.

При сей книжкѣ Телеграфа находятся: *Очеркъ картины Герена* (Клитемнестра) и *двѣ картинки Парижскихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ*.

Подписка на Московскій Телеграфъ 1834 года принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, на Тверской въ домѣ Г-жи Мятлевой, и въ Газетной Экспедиціи Императорскаго Московскаго Почтамта. Цѣна, за 24 книжки съ 66-ю картинками, въ Москвѣ 40 рублей, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 45 рублей ассигнаціями.



2p̄